

Павел
БАСИНСКИЙ

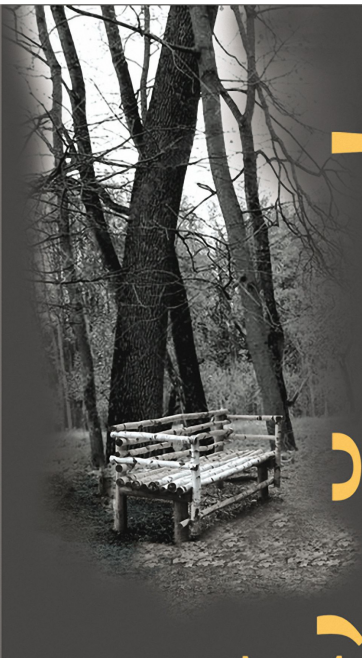
СОНЯ,

уйди!

**Софья
Толстая:**

*взгляд
мужчины
и женщины*

Роман-диалог

Павел Валерьевич Басинский Екатерина Юрьевна Барбаняга Соня, уйди! Софья Толстая: ВЗГЛЯД МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67614534

*Соня, уйди! Софья Толстая: взгляд мужчины и женщины. Роман-диалог / Павел Басинский: Молодая гвардия; Москва; 2020
ISBN 978-5-235-04646-7*

Аннотация

Супруга Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна (1844–1919) еще при жизни мужа стала не менее легендарной личностью, чем он сам. О ней писали газеты, ее снимал пионер русского кинематографа Александр Дранков, ее образ был запечатлен в первых художественных фильмах о жизни «великого Льва». И сегодня ее фигура привлекает биографов, кинематографистов и театральных деятелей. Она прожила с Толстым почти полвека, родила тринадцать детей, была его верной подругой и литературной помощницей. Но именно из-за конфликта с женой Толстой в 1910 году бежал из Ясной Поляны. Писатель и журналист, лауреат премии «Большая книга» Павел Басинский решил написать книгу о Софье Толстой в необычном формате – онлайн-диалогов с поэтом и прозаиком из Санкт-

Петербурга Екатериной Барбанягой. Два взгляда – мужчины и женщины. Две точки зрения на судьбу великой жены великого писателя.

В Приложении публикуются малоизвестные тексты С. А. Толстой и очерки о ней Власа Дорошевича и Максима Горького.

Содержание

Предисловие	6
Введение в Софьеведение	9
Глава первая	19
Глава вторая	53
Глава третья	113
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Павел Басинский

Соня, уйди! Софья

Толстая: взгляд

мужчины и женщины

«Не понимаю, как такая малая вина могла вызвать такой гнев, и, обеспокоенная этим, я бросилась – за ним вниз, в его кабинет... Он сидел мрачный и злой.

– Что с тобой, Лёвочка? – спросила я.

– Уйди! уйди! – злобно и громко кричал он».

С. А. Толстая. «Моя жизнь»

«И я уехала, прибавив, что если я сержусь, то потому, что слишком высоко ценю всё то, что касается Льва Николаевича, что я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае».

С. А. Толстая. Дневник

Предисловие

В издательстве «Молодая гвардия» мне несколько раз предлагали написать биографию Софьи Андреевны Толстой, жены Льва Николаевича Толстого. Как бы само собой предполагалось, что автор нескольких книг о Льве Толстом («Бегство из рая», «Святой против Льва», «Лев в тени Льва» и «Лев Толстой – свободный человек») просто обязан воздать должное супруге гения, прожившей с ним 48 лет – и каких лет! Там были и счастье, и горе, и невероятная любовь, и тяжелейшие конфликты.

Но для меня это было совсем не очевидно. Скажу откровенно: у меня рука не поднималась написать биографию этой великой женщины. Именно потому, что она была женщиной. Я был и остаюсь уверен, что многие моменты в ее судьбе может понять и оценить только женщина. Конечно, во всех моих книгах о Толстом она занимала огромное место, потому что нельзя представить себе жизнь Льва Николаевича без Софьи Андреевны. Но там я писал о ней именно как о спутнице гения, где каждый шаг, каждое слово, каждый поступок соотносились с тем, что она всегда находилась рядом с ним – величайшим писателем и мыслителем мира. Она и сама говорила: «Кто я такая? Я всего лишь жена Льва Толстого».

Однако я чувствовал, что это не совсем так или даже совсем не так. Я не понимал, каким образом удалось этой «все-

го лишь жене» занять в жизни Толстого такое важное место, отвоевать себе такую огромную и в чем-то независимую «территорию». Она всегда представлялась мне какой-то загадкой, каким-то ребусом, может быть, не менее сложным, чем сам Лев Толстой.

Но как это может понять биограф-мужчина, если даже сам Толстой не всегда понимал свою жену? Только женщина. Но почему-то достойных «женских» биографий Софьи Андреевны до сих пор в России так и не появилось.

И тогда я, может быть, опрометчиво, придумал необычный жанр. Мы договорились с моей знакомой, поэтом, прозаиком и журналистом из Санкт-Петербурга Екатериной Барбанягой написать книгу о Софье Андреевне в жанре «романа-диалога».

Катя – человек очень талантливый, причем в разных сферах. Лауреат нескольких литературных премий. Ей тридцать лет, родом она из Одессы. Женщина современная и деловая, несколько лет возглавляла пресс-службу Фонда «Живая классика», до этого работала журналистом на радио. И наконец, Катя – мама двух замечательных детей, мальчика и девочки. Поэтому она лучше сможет понять какие-то мысли и поступки Софьи Андреевны – женщины деловой и хозяйственной, прекрасной матери, в то же время проявившей себя в разных жанрах творчества – мемуарной и художественной прозе, живописи, скульптуре и фотографии.

Словом, мы решились на эксперимент, даже не зная еще,

как это сделать: Катя – в Питере, я – в Москве.

Но вот тут грянул пресловутый «карантин», и ужасная фраза «работа на удаленке» стала трендом сезона.

Так, «на удаленке», и написалась эта книга. Так сказать, «Софья Андреевна онлайн». Не знаю, что получилось. Нам было интересно. Думаю, Софья Андреевна нас простит.

Павел Басинский

Введение в Софьеведение

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ: Катя, надеюсь, вы понимаете, что перед нами стоит заведомо невыполнимая задача?

КАТЯ БАРБАНЯГА: Какая именно?

П.Б./ Говорить о Софье Андреевне Толстой не как о жене великого Льва Николаевича Толстого, а как о самостоятельной личности. Великой женщине.

К.Б./ И что же здесь невыполнимого?

П.Б./ Объясняю... Много вы знаете биографий писательских жен? Давайте на раз, два, три...

К.Б./ Наталья Гончарова.

П.Б./ Да, о ней много написано. Но в основном в связи с дуэлью и гибелью Пушкина. А третьим персонажем непременно выступает Дантес. И обсуждают не столько ее как личность, сколько ее роль в гибели Пушкина. Марина Цветаева писала о ней весьма жестоко:

Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч.

Это началось сразу после смерти Пушкина. Виновата, не виновата? Изменила, не изменила? Подходила такая жена Пушкину, не подходила? Впрочем, были и специальные труды о ней, в том числе и о ее жизни после смерти поэта, ко-

гда Наталья Пушкина вышла замуж за генерал-майора Петра Петровича Ланского и поменяла фамилию. Были книги о ней Ободовской и Дементьева еще советского времени. Прекрасные книги о Гончаровой написал Вадим Старк. Вообще Наталья Гончарова – безусловно одна из самых заметных в истории русской литературы женщин, вызывающая повышенный интерес. Но вы же понимаете, что все это не из-за ее личных качеств, сколь угодно замечательных. Все это благодаря Пушкину. Ее жизнь с Ланским... Кстати, он ведь был человеком весьма незаурядным. Во время Крымской войны сформировал ополчение Вятской губернии, в 1865 году исполнял должность петербургского губернатора. Но это интересует только специалистов и узкий круг читателей. Гончарова вошла в историю как *жена Пушкина*, которая волей-неволей стала *причиной его гибели*. Да, я понимаю, что это несправедливо по отношению к ней, но это факт.

Кто еще?

К.Б./ Книппер-Чехова.

П.Б./ Прекрасно! Ольга Леонардовна – яркая женская фигура. Знаете, что написано о ней в Википедии? «Русская советская актриса МХАТа. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии I степени (1943). Жена писателя Антона Павловича Чехова». То есть Чехов – сбоку припека, Сталинская премия поважнее будет. Это как Леонардо да Винчи, устраиваясь на работу к какой-то знатной персоне, перечислял в письме, что он умеет. Медицина, фортифика-

кация, пятое, десятое. И в конце: «Еще немного умею рисовать».

Ольга Книппер была женой Чехова всего три года. Но то, что он ее безумно любил, — это очевидно. Он написал ей более четырехсот писем! Их невозможно читать без слез, без какого-то изумления перед невероятным и нерастраченным запасом любви и нежности, который был в Чехове и который он проявил так открыто и сильно в короткой любви к своей жене. К своей единственной поздней жене.

Милая, славная, добрая, умная жена моя, светик мой, здравствуй! Я в Ялте, сиюзу у себя, и мне так странно!

Пиши, жена моя, пиши, а то мне скучно, скучно, и такое у меня чувство, как будто я женат уже 20 лет и в разлуке с тобой только первый год.

Ты мне снилась эту ночь. А когда я увижу тебя на самом деле, совсем неизвестно и представляется мне отдаленным. Ведь в конце января тебя не пустят!

Он умирал в Баденвейлере фактически у нее на руках. При этом о позднем браке Чехова с актрисой МХТ кто только не судачил, не злословил — Иван Бунин, например.

Но с другой стороны... Три года супружеской жизни и 400 писем — это что значит? Это значит, что Чехов в Ялте, а Книппер играет в Москве. Кстати, другая актриса МХТ Мария Андреева ради Максима Горького бросила театр и полностью посвятила себя Горькому на много лет, не будучи

даже его законной женой. Единственной законной супругой Горького была и оставалась Екатерина Пешкова. Тем не менее Андреева стала его любовной подружкой, секретарем, переводчиком, ездила с ним по всему свету, даже в Америку. А за Чеховым в Ялте ухаживала не Ольга Леонардовна, а сестра Мария Павловна.

К.Б./ И что из этого следует? Бросим в нее камень?

П.Б./ Нет, не нам об этом судить! Чехов ее любил, великий Чехов – вот что важно! Ольга Книппер вошла в историю как *жена Чехова*, и это было главным и судьбоносным моментом ее жизни. А ее театральные заслуги интересуют разве что театральных историков. Я, как и большинство людей, не представляю, какая она была актриса, но я знаю, что ее любил Чехов, и поэтому преклоняюсь перед ней. Опять-таки несправедливо, но это так...

Кто еще?

К.Б./ Любовь Менделеева.

П.Б./ Замечательно! Кто она без Александра Блока? Дочь великого химика Менделеева? Слабая актриса? Мемуаристка?

К.Б./ Позвольте-позвольте! Вот уж тут никак не соглашусь! Любовь Дмитриевна Блок – один из лучших в России историков балета. Ее труд «Классический танец: История и современность», который она писала несколько десятков лет, является почти Библией в хореографических училищах России. Это специфика узкая, но она стала профес-

сионалом и заняла свое место в истории русского искусства. Кстати, она жутко тяготилась тем, что ее воспринимали Прекрасной Дамой, и яростно пыталась завоевать себе свое имя. Она быстро этот образ переросла, и ее раздражали разговоры об этом. Она все время пыталась доказать, что она живая женщина, со своим характером и умом. Мне кажется, это вообще бич всех жен известных мужчин. Я не муза тебе и не прислуга! Я женщина! Я человек со своим миром! Дай мне свое слово сказать!

П.Б./ Ладно, пока сдаюсь. Вернемся к нашей героине. Софья Андреевна не была историком балета. И кто она без Толстого? Просто умная, красивая женщина, родившая мужу 13 детей. Мать-героиня. И еще с определенного времени – владелица имения, которое отписал ей муж еще при своей жизни. Сама вела хозяйство, но оно было убыточным – в минуса порядка двух тысяч рублей в год. Заботливо ухаживала за мужем, исполняла все его капризы, воспитывала его детей, сама чинила им носки, много шила, вязала, ткала красивые коврики в греческом стиле... Меню на каждый день составляла для повара. Ах да! Еще в совершенстве владела немецким (отец был немец) и французским. Неплохо рисовала и лепила, но дилетантски. Слабо, насколько мне известно, играла на фортепьяно. Даже фотографией занималась, но любой фотограф скажет, что это – не профессиональные снимки. И вот, если все это суммировать, можно сказать, что Софья Андреевна была личностью, которая вошла бы в исто-

рию? Если убрать из ее жизни такую незначительную деталь, как Лев Толстой? Простите меня за иронию!

К.Б./ Я понимаю, к чему вы клоните. И Гончаровой, и Книппер, и Менделеевой, и Софьи Андреевны как крупных, самостоятельных фигур, которые сами по себе вошли бы в историю без своих мужей, не существует. Грубо говоря: нет Пушкина – нет Гончаровой. Нет Чехова – нет Книппер. Нет Льва Николаевича – нет Софьи Андреевны. У меня есть сто возражений на это, но я приберегу их для будущего разговора. А пока – крушите женщин!

П.Б./ Дело не во мне. Это объективно так. Нет Достоевского – нет Анны Сниткиной. Обычная стенографистка, о которой сегодня никто бы не знал. И не надо упрекать меня в сексизме и женофобии. Я все отлично понимаю. Патриархат. Запрет на высшее образование для девушек. Раздельное воспитание девочек и мальчиков. Из девочек готовят жен и матерей, из мальчиков – воинов, политиков, писателей. Знаете, что сделали бы в XIX веке с группой «Пусси Райот» за их акцию в Храме Христа Спасителя, если бы это очаровательное трио не успела растерзать на паперти толпа? Их заточили бы в женский монастырь, где их идейно-нравственным воспитанием занялась бы лично игуменья. И, поверьте мне, два года в колонии общего режима в сравнении с этим показались бы им раем.

Словом, я все понимаю. Сам написал книгу об одной из первых стихийных русских феминисток Елизавете Дьяконо-

вой – «Посмотрите на меня». Не думаю, что в моей книге хотя бы на одной странице есть женофобские высказывания.

Но именно поэтому я возвращаюсь к первому вопросу. Вы понимаете, что перед нами стоит невыполнимая задача: говорить о Софье Андреевне Толстой не только как о жене великого Толстого, а как о самостоятельной личности?

Мне неинтересно опять мусолить тему «супруги гения». Ах, она верой и правдой служила ему! Ах, она родила ему 13 детей! Ах, она 13 раз переписала «Войну и мир»! Ах, она всю жизнь хлопотала, чтобы ее великий муж, ни о чем бытовом не думая, сидел в Ясной Поляне, морщил могучий лоб и думал: как ему умертвить Анну Каренину? Отравить? Уже было – у Флобера. Повесить? Как-то неизящно. А вот брошу-ка я ее под поезд! Такую красивую, молодую, брошу ее под поезд. Вот это по-новаторски! И разглаживаются морщины на лбу гения, и перо его летит по бумаге. Эх, вот тут описочка вышла! Да и почерк плохой, сам порой его не разбираю. Ну да ничего... Сонечка ночью все перепишет. Уложит детишек спать – и все перепишет. Авось, к утру-то и успеет. А я опять мараить ее чистовик буду, потому что я должен добиваться совершенства.

Я ведь почти не утрирую. Большинство именно так понимает главную проблему Софьи Андреевны. Это можно высекать резцом по камню: КАК ТРУДНО БЫТЬ ЖЕНОЙ ГЕНИЯ!

Трудно быть женой гения? А крестьянской женой легче?

Деревенские бабы вообще в поле рожали. Потому что беременна ты, не беременна, а на носу дожди, и нужно сено сгребать. А эти поговорки мужицкие: «Бей бабу смолоду, будет баба золотом».

Представляете, Толстой такое бы своей жене сказал!

Верная подруга гения, говорите? Незаменимая помощница величайшего писателя мира? Это же счастье! Тогда отчего такой болью пронизан Дневник Софьи Андреевны?

К.Б./ Вы-то что об этом думаете?

П.Б./ Я пока ничего не думаю. Я поэтому и предложил вам этот диалог «на удаленке», в электронной переписке, чтобы вместе с вами разобраться в феномене Софьи Андреевны. Я написал о Толстом четыре книги и, смею думать, кое-что в нем все-таки понял (хотя до конца Толстого не поймет ни один человек в мире). Но Софья Андреевна остается для меня абсолютной загадкой.

Между тем, написав свою первую книгу – «Лев Толстой: Бегство из рая», – я вдруг понял, что главным толчком к ее написанию была не биография Льва Николаевича, а Дневник Софьи Андреевны. Он просто взорвал мне мозг.

Я писал книгу вообще-то об «уходе» Толстого, но, когда она вышла и имела определенный успех, я с изумлением обнаружил, что читают ее преимущественно женщины и волнуется их не проблема Льва Николаевича, который в 1910 году куда-то «ушел», а проблема Софьи Андреевны. Мне звонит знакомый и полушутя говорит: «Ты что такое написал? Ты

мою маму до слез довел своей книгой!» Я спрашиваю: а кого ей жалко? Толстого? Он говорит: да какого там Толстого! Она из-за Софьи Андреевны рыдает.

К.Б./ Да, ваша книга производит на женщин такое впечатление. Это значит, что вы, может быть, бессознательно подняли в ней какие-то вечные женские темы, отразили какую-то вечную женскую боль. И это совсем не обязательно связано с «патриархатом» XIX века. И сейчас у женщин всё те же проблемы.

И вообще мне кажется, что Софья Андреевна в вашей книге возвышается над Львом Николаевичем, «переигрывает» его.

П.Б./ Но это же абсурд! Кто она и кто он?! Она, что ли, «Войну и мир» написала? Ну, переписывала она рукопись частями, когда он слишком много черкал, внося правку, так что уже и разобрать ничего на листе было нельзя. Но то, что она то ли семь, то ли тринадцать раз переписала «Войну и мир», – это чистый миф. Попробуйте один раз пером с чернильницей, а не ручкой и не на компьютере, переписать «Войну и мир». Один раз. У вас рука отвалится.

К.Б./ Тем не менее проблема Софьи Андреевны вас почему-то самого сильно волнует. Почему?

П.Б./ Я сформулировал это для себя так. Я не понимаю, каким образом этой загадочной женщине удалось на полях биографии величайшего писателя мира написать свой собственный роман. Сейчас этот жанр называется «авто-

фикшн». Но это не только ее Дневник, мемуары и переписка с мужем, о которых мы, конечно, много будем говорить. Свой великий роман она создала самой своей жизнью, запечатленной в том числе в воспоминаниях, дневниках и письмах разных людей, посещавших Ясную Поляну, в мемуарах ее детей и других источниках. И этот роман не называется «Жена гения». Он как-то по-другому называется. Скажем: «Соня, уйди!» В этой злой фразе, однажды брошенной Толстым жене, есть какой-то не вполне понятный мне, но важный смысл. Не до конца она растворялась в своем муже, ох не до конца! И не жила она только и исключительно его жизнью. И роман ее жизни не был надиктован только ее великим мужем. У него свой стиль, своя интрига, даже своя философия. У Софьи Андреевны была *своя философия*. Мощная, убедительная, сильно не совпадающая со взглядами ее мужа, но порой более верная и жизненная, чем его взгляды после «духовного переворота».

Вот об этом я и хочу с вами поговорить.

К.Б./ Рискнем!

Глава первая

Толстого нет

Смирение паче гордости?

П.Б./ Начнем, как говорится, помолясь! У нас сейчас непростая задача: поговорить о Сонечке того времени, когда она еще не стала невестой, а тем более – женой Толстого. Так сказать, о Софье Андреевне «дотолстовского» периода.

Проблема в том, что об этом важном периоде ее жизни мы можем узнать только из двух источников: мемуаров Софьи Андреевны «Моя жизнь», которые она начала писать очень поздно, но еще при жизни мужа, в 1904 году, и воспоминаний Татьяны Андреевны Кузминской (в девичестве Берс), младшей сестры Софьи Андреевны, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Других подробных источников я не знаю. Что-то, какие-то обрывки воспоминаний о детстве, об отце и матери, есть в Дневнике Софьи Андреевны, но он открывается с 1862 года, начала ее супружеской жизни.

И прежде чем мы начнем разговор, цитата:

В прошлом году Владимир Васильевич Стасов просил меня написать мою автобиографию для женского календаря. Мне показалось это не скромно, и я

отказала. Но, чем больше я живу, тем более вижу, сколько накапливается разных недоразумений, неверных сведений по поводу моего характера, моей жизни и многого, касающегося меня. А так как я сама по себе ничего не значу, а значение моей совместной 42-летней супружеской жизни с Львом Николаевичем не может быть исключено из его жизни, то я решилась описать, пока еще только по воспоминаниям, свою жизнь... Постараюсь быть правдива и искренна до конца. Всякая жизнь интересна, а может быть, и моя когда-нибудь заинтересует кого-нибудь из тех, кто захочет узнать, что за существо была та женщина, которую угодно было Богу и судьбе поставить рядом с жизнью гениального и многосложного графа Льва Николаевича Толстого.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь. Вступление»)

Вот что здесь любопытно! Вступление как будто выдержано в смиренных тонах. Дескать, кто я такая в сравнении с НИМ? ОН – велик, а я ничтожна. Просто Стасов для женского календаря попросил, нельзя отказать. И все равно – отказала, потому что «не скромно». Но дальше пишет двухтомные мемуары, потому что слишком много «неверных сведений по поводу моего характера, моей жизни и многого, касающегося меня». И дальше: «значение моей супружеской жизни», «решилась описать свою жизнь». Название мемуаров «Моя жизнь». В этом не было бы ничего особенного, так многие называли свои мемуары, если бы автор так ста-

рательство не подчеркивал во Вступлении свою незначительность перед великим Толстым.

Вам не кажется, это такое смирение паче гордости? Все-таки главной задачей мемуаров она ставила доказать всему миру, что ее значение в жизни Толстого было огромно и благотворно!

Вы заметили, как мало она пишет о детстве, об отце и матери? Почти ничего о бабушке – княгине Козловской. Почти ничего о дедушке Исленьеве, а это потрясающий был типаж – герой Бородина, помещик, игрок, в одну ночь проигрывавший все состояние и отыгрывавший его. Именно Исленьев, а не отец Толстого Николай Ильич лег в основу образа отца в «Детстве».

Вообще ничего о родословной со стороны своего отца. Молчит о том, что дедушка по этой линии был аптекарем, богатым, но всего лишь аптекарем. Зато рассказывает, как она девушкой презрительно отказала сыну аптекаря, который сделал ей предложение. Фи! Кто он такой, какой-то сын аптекаря!

К.Б./ Павел, я бы начала с того, что, в отличие от вас, сконцентрировала бы внимание на других словах цитаты: «Всякая жизнь интересна, а может быть, и моя когда-нибудь заинтересует кого-нибудь из тех, кто захочет узнать, что за существо была та женщина...» Вы слышите в этом лукавство? Я – нет. Я слышу мольбу к читателю: выглядеть и разглядеть *ее* – отдельное *существо* (слово «существо» идет да-

же перед словом «женщина»), которое находилось рядом с НИМ, но имело и свою собственную жизнь, которая могла бы «заинтересовать кого-нибудь». Почему «существо»? Потому что это самая низшая степень живого и разумного, но совершенно не нагруженная какой-либо оценкой. «Женщина» – уже слово, которое влечет за собой большое количество ассоциаций. Куда уж ожидать от читателя непредвзятости! А существо – это начальный материал. Это просьба посмотреть на нее будто на что-то впервые увиденное, не обремененное никакими мнениями и суждениями.

Понимаете, это ведь уже закат ее жизни, когда она начала писать эти мемуары. И эта жизнь была связана с Толстым во всех областях. Между ее замужеством, наступившим сразу после ее детства, и временем написания мемуаров – огромная жизнь, насыщенная таким количеством забот, катастроф, примирений, рождений, смертей и так далее – и вся сплошь с Толстым.

Представьте, что вам через сорок лет пешего пути придется описать первые ростки на дорожке, с которой начинался ваш путь. Будет это так легко, если на вашем пути попадались сотни людей, военные события, маскарады, горные переходы и так далее? Да, будет, если ваша дорога была скучна, а они по первости ощущений остались в памяти как самое приятное. Или вы будете их помнить года четыре первых, наверное, но потом эти ощущения затмят другие – более яркие в эмоциональном плане?

Софья Андреевна делала в книге акцент на том, что было важно *для нее*. Если смотреть на мемуары Софьи Андреевны с этой точки зрения – то я не вижу противоречий. Это и была *ее жизнь*. Да, вся жизнь ее была – Толстой. А детство было приготовлением к этой жизни. Сама история семьи, история дружбы семей Исленьевых и Толстых, атмосфера дома, общие друзья – всё было приготовлением к объединению судеб. И тут вы можете справедливо сказать, что я, мол, противоречу себе. Пишу, что Софья Андреевна просит посмотреть на ее отдельную жизнь, а в то же время жизнь ее – Толстой.

Тут есть нюанс. Женская жизнь и женское служение, направленное на одного мужчину на всем своем протяжении, – это история формирования женской личности: обучения, перестройки, развития, смирения, привыкания, поиска своего места и значения, рождение и воспитание общих детей, борьба с собой, борьба за внутреннюю свободу и многое другое. Рядом с таким мужчиной женщина проживает свою отдельную жизнь, которая как бы сливается с его и незаметна, а на самом деле не менее значительна, чем жизнь мужчины.

А что не упомянула про аптекаря и сыну аптекаря отказала, так почему вы именно на этом факте акцентируете? Много разных обстоятельств могло быть причиной такого поведения, не только тщеславие Софьи Андреевны. Может, он был просто некрасивый.

П.Б./ Я не буду спорить. Тут важно, как прочитать это

Вступление, как его интонировать. Но что любопытно. Пятеро детей Толстых оставили свои мемуары об отце – Сергей, Татьяна, Лев, Илья и Александра. И никто из них не оправдывается: ну кто я такой (такая), чтобы писать о себе? Лев Львович очень много пишет именно о себе в книге «Опыт моей жизни». У Саши целая книга называется «Дочь». Татьяна много пишет о своей молодости, несостоявшихся романах и так далее. Во Вступлении же Софьи Андреевны... нет, не гордость и не тщеславие, вы правы. Но тут какой-то психологический надлом.

К.Б./ Вас это удивляет? Но ведь это очевидно – в детях течет кровь их отца, они самим фактом рождения от него как бы часть Льва Толстого и наследуют его черты. Могут принимать их, могут спорить с ними, но они все равно его дети, то есть генетически как минимум наполовину Толстые. Какую бы никчемную даже жизнь они вдруг ни прожили – они будут известны и признаваемы тем фактом, что они – дети Льва Толстого. А что такое Софья Андреевна? Она Толстая «приписанная», не кровная. И таким образом ей нужно заслуживать «равновеликость» через служение ему, нужно доказать, какой процент в этом монументе – ее рук дело.

Психологически у нее более сложное положение, чем у детей. Сначала ей надо встать рядом, показать, где она в его жизни, потом показать – где она отдельно со своей личной жизнью. Это что-то из кинематографии. Куда направлена камера – туда направлено и внимание зрителей. Читатель ви-

дит большой объект – Толстой. Потом замечает, что рядом с ним всегда нераздельная фигура, вроде как его часть тела, а потом – оп-оп! – в фокус входит Софья Андреевна, со своим взглядом на вещи, со своими страданиями и так далее. Это вообще правильный маркетинговый ход. Хочешь, чтобы на что-то обратили внимание – позови звезду в кадр.

П.Б./ То есть Толстой – это «звезда». Любопытное наблюдение и в принципе верное, хотя и не очень лестное для Софьи Андреевны. Но давайте все-таки четко обозначим ее стартовые позиции.

Ведь была у нее жизнь, в которой еще не было Толстого... Были мама, папа, сестры, братья, первая любовь и прочее.

Андрей Евстафьевич

П.Б./ ОТЕЦ. Берс Андрей Евстафьевич (1808–1868). Немец, лютеранин. Кстати, тут у меня возникает вопрос: как он венчался со своей женой, которая была православной?

К.Б./ По законам Российской империи лица православно-го исповедания могли заключать браки как между собой, так и с иностранцами христианских исповеданий. Но в любом случае венчание происходило в православной церкви.

П.Б./ Спасибо за информацию. Кстати, я никогда не задумывался над тем, как на мировоззрение Софьи Андреевны могло повлиять то, что ее отец был лютеранином. Ни в воспоминаниях, ни в Дневнике она ничего об этом не говорит.

Она всю жизнь считала себя православной женщиной, соблюдала церковные обряды и традиции, любила православные праздники и крайне негативно впоследствии относилась к разрыву своего мужа с Церковью. Как, впрочем, была возмущена и его «отлучением».

Но все-таки задумаемся... Отец – протестант. Если сравнивать православную и протестантскую этики, главная разница между ними, на мой взгляд, будет следующей. Для православных крайне важно, что Христос пострадал и умер на кресте, а потом воскрес. Отсюда культ страданий: огромное количество почитаемых мучеников и страстотерпцев. Поэтому православная этика, особенно в ее эмоциональном ключе, заключается в том, что за страдания ради Христа в этой жизни ты получаешь блаженство за гробом. В протестантской этике нет культа мучеников. Верь в Бога, води праведный образ жизни, помогай другим людям, и Бог вознаграждает тебя уже в этой жизни. Будут счастье, прекрасная жена, замечательные дети и уютный домик на лоне природы. И хотя Софья Андреевна в Дневнике постоянно акцентирует, что она «жертва», «мученица», но это не имеет отношения к православию. Причина ее страданий – ее муж. Но это ее глубокое внутреннее переживание. А вот в реальной жизни она была очень практична. Культ семьи, детей. На каждый день расписано, какие продукты покупать, что готовить повару на завтрак, обед и ужин. Интересно, что в семье Берс продукты в Торговых рядах покупал отец. Это ясно из одного письма

тестя Льву Николаевичу уже после его женитьбы. Он, а не мать, зовет «молодых» в Москву, предлагает поселиться рядом, готов закупать для них продукты.

Я не утверждаю, что протестантизм отца (да и насколько он был в нем силен?) повлиял на мировоззрение Сони. Но допустить это можно. А главное – немецкая кровь! Отсюда это странное сочетание в Софье Андреевне мечтательности, сентиментальности – и практичности в реальной жизни.

К.Б./ Павел, мне кажется, вы заметили сейчас кое-что очень важное. Скажу честно, я не связывала рациональность Софьи Андреевны с ее немецкими корнями, но вполне возможно, что вы правы. Такая потрясающая хозяйственность и прагматичность была в ней именно генетической. Объяснить ее склонность к жертвенности и культу страдания можно тем, что она была все-таки русская девушка, воспитанная в православной культуре. Русское страдание – отличительная национальная черта, не только у девушек, между прочим, но в женской натуре проявляется ярче всего. Но вы преувеличиваете протестантизм отца в бытовой стороне их жизни. Как правило, если семья была не сверхнабожная, а такая светская, как семья Берс, церковные традиции носили фоновый характер. Молитвы утренние и вечерние были скорее элементом воспитания детей, а для взрослых – способом разрядки. В воспоминаниях сестры Софьи Андреевны Татьяны Кузминской говорится о том, как она решила сходить с няней к обедне, не спрашиваясь у мамá. Но когда, опасаясь

маминого неудовольствия, все же рассказала ей об этом, мамá ответила: «Главное только, чтобы ты не простудилась».

П.Б./ Соглашусь. Но пойдем дальше... Сын аптекаря, врач Московской дворцовой конторы. В молодости, по словам Толстого, который очень любил своего тестя и был с ним на «ты» (большая редкость в обращении Толстого к другим людям), – «большой ловелас». Свидетельством тому – внебрачная дочь от Варвары Петровны Тургеневой, с которой ее домашний врач Берс путешествовал за границей. Таким образом, у Софьи Андреевны и Ивана Тургенева была общая сводная сестра. Ходили слухи, что и анархист Петр Кропоткин был сыном Берса, ибо Кропоткиных он тоже лечил.

У Андрея Евстафьевича был родной брат Александр Евстафьевич, петербургский гоф-медик, друживший с Петром Ильичом Чайковским. Однажды в квартире Берса Чайковский увидел лебедя с подбитым крылом, Берс его лечил. Лебедь вошел в залу, волоча это подбитое крыло, и тогда будто бы Чайковский и задумал «Лебединое озеро».

Берсы считали себя дворянами, но бумаги о их дворянстве сгорели во время пожара Москвы 1812 года. Только по окончании войны братья восстановили свое дворянство. Для Софьи Андреевны понятие аристократизма было крайне важным. Это Толстому не нужно было его доказывать. Род Толстых древнее рода Романовых. Толстой своим аристократизмом даже тяготился, хотел быть похожим на простого мужика, что ему, впрочем, до конца не удавалось. А его жена

– нет! С каким воодушевлением она описывает в Дневнике и мемуарах свою встречу с Александром III и императрицей! А ее муж смеялся над этим. И даже ее дядя, Константин Александрович Иславин, после рассказа Софьи Андреевны о встрече с царем, сказал: «И что теперь, Сонечка, делать? Встать перед тобой по стойке смирно?»

Может быть, это шло от ущемленного аристократизма Берсов?

К.Б./ Очень сомневаюсь, что это шло от отца. По воспоминаниям его дочери Татьяны Берс, в будущем Кузминской, у него в кабинете запросто могли сидеть и вести общие беседы и мужики, и графы. У Софьи Андреевны все-таки было именно материнское чувство аристократизма. С некоторой опаской в отношении к мужикам. С прививкой «старыми нравами». В каком-то смысле она даже застряла в этом своем старом аристократизме. И – да! – выйти замуж за графа вполне соответствовало ее внутреннему запросу. Только вот граф оказался не так прост. Вроде граф, а в чем-то и мужик: спит на сене, подушки без наволочки, пахать ходит.

П.Б./ В 1849 году А. Е. Берсу было пожаловано звание гоф-медика, то есть дворцового медика. Но где Москва и где Двор? Цари в Москве только короновались, а потом бывали поездками. Как вспоминает Софья Андреевна, Александр II встречался с ее отцом, обращался к нему на «ты», спрашивал, где его собака (Берс был заядлым охотником), и спрашивался о его здоровье. Это трогательно: царь заботится о здо-

ровье своего гоф-медика!

К.Б./ А Татьяна Андреевна Кузминская утверждает, что он не один раз встречался с Александром II, причем именно как врач.

Генерал-губернатор Закревский, видя, что дело плохо, послал телеграмму государю, которого ожидали тогда в Москву: «Студенты бунтуют. Попечитель и профессора держат их сторону».

Государь Александр II находился тогда в Варшаве и ответил телеграммой: «Не верю, буду сам».

Через несколько дней государь прибыл в Москву и остановился в Большом Кремлевском дворце. Он был нездоров, не выходил и никого не принял – ни попечителя, ни губернатора. Мой отец был приглашен к царю в качестве врача.

Государь всегда особенно милостиво относился к отцу. Однажды он подарил отцу охотничьего сеттера, а отец через год послал государю прелестных двух щенят. Помню у отца и табакерку с бриллиантами, подаренную царем. И всякий приезд царя в Москву был для отца праздником.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

П.Б./ Возможно. Но все мемуары нужно еще сто раз проверять. Как врач, он застал двух царей – Николая I и Александра II. Но в Москве был куда более «крутой» терапевт – Григорий Антонович Захарьин, кстати, лечивший и семью Толстого. Именно он, а также опытный лейб-хирург

Н. А. Вельяминов и доктора Лейден и Гирш находились при Александре III в Ливадии, когда тот умирал в 1894 году.

Квартира Берс была, да, в Кремле. Но что такое Кремль до 1918 года, когда туда въехали большевики во главе с Лениным, выселили оттуда всех и рассадили по периметру латышских стрелков? Обычный жилой район Москвы, не самый элитный. Мещане, мастеровые. Так что Андрей Евстафьевич был, скажем так, районным доктором. Но еще, и это важно, сверхштатным врачом московских театров. Поэтому театральная жизнь вошла в сознание Сони с детства. В Большом театре у Берс даже была своя ложа.

Характер у отца был непростой.

Отец мой был хороший хозяин. Он был человек очень цельный, прямодушный, энергичный, горячий сердцем и очень вспыльчивый.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Согласно мемуарам Софьи Андреевны, отец очень любил свою жену, которой был старше на 18 лет. Под старость сильно ее ревновал и даже мучил своей ревностью, хотя для нее не было повода.

Софья Андреевна пишет, что внешнеюстью она пошла в мать, а характером – в отца. Я думаю – да. Терзала Толстого ревностью, ревновала даже к тем женщинам, которые были у него до знакомства с ней. Кстати, в Дневнике Софьи Андреевны есть любопытное замечание, что Лев Николаевич с детства «не приучен любить». И вообще в семьях кто-то один

любит, а другой «позволяет себя любить». И вспоминает отца, который любил ее мать, а она «позволяла себя любить». Так в кого она была: в мать или в отца?

К.Б./ Представляете, Павел, если окажется, что у нее было, например, 3/5 характера отца и 2/5 характера матери? Как тогда оценивать ее характер? Вам хочется вывести какую-то логическую схему, подвести красивую ровную черту. На мой взгляд, было в Софье Андреевне и от отца, и от матери, и это совершенно нормально. Какие-то черты отца — умение любить и выражать любовь, та же ревность, любовь к природе. Но, например, не было отцовской иронии и чувства юмора, не было легкости в увлечениях противоположным полом.

Есть вопрос посерьезнее. Вы говорите: Софья Андреевна в Дневнике делает выводы, что кто-то один в семье любит, а другой «позволяет себя любить». Вы в это верите? Он любил, а она «позволяла себя любить»? Софья Андреевна любила, а Лев Николаевич «позволял себя любить»? Это такая красивая фраза, которую сочиняют для какого-нибудь мону-мента «Жертвам любви». На самом деле и мать любила отца. В воспоминаниях Кузминской мать гораздо более раскрыта, чем в мемуарах или Дневнике Софьи Андреевны. И видно, как много любви было в матери. Просто не в ее характере было показывать эту любовь открыто. В чем же она проявлялась? В уважении к мужу, которое чувствовали все дети, в заботе о его покое, в рождении ему детей и воспитании их.

Просто дети, и Соня и Таня, отмечают умение папа *показать* любовь и делают вывод, что папá любит больше. Так и в отношении любви Софьи Андреевны и Льва Николаевича. Так уж не любил он ее, а лишь позволял любить? Его письма и даже поздние записи о жене, в разгар последнего конфликта перед его «уходом», дышат такой любовью, нежностью, заботой о ней и жалостью к ней. Но, не наученный внешне проявлять любовь, он, видимо, недостаточно ее выказывал, и, как истинная «жертва своей любви», Софья Андреевна так резко писала, что он, мол, позволяет только себя любить. Не верьте женщинам, если они пишут или говорят что-то в досаде.

Любовь Александровна

П.Б./ Пойдем дальше... МАТЬ. Берс Любовь Александровна (1826–1886). В девичестве – Иславина. Незаконная дочь Александра Михайловича Исленьева и княгини Софьи Петровны Козловской (урожденной Завадовской). Девушкой Софья Петровна была насильно отдана замуж за князя Козловского, который был пьяницей, бежала от него к Исленьеву и жила с ним в незаконном браке, родив шестерых детей, которые тоже были незаконные, поэтому фамилию им изменили на Иславиных. Софья Андреевна пишет, что бабушка просила Козловского дать детям свою фамилию, он потребовал за каждого 100 тысяч рублей – немыслимые по

тем временам деньги!

Любовь Александровна была красавицей, недаром муж ее так ревновал. Она родила ему 13 детей, пятеро из которых умерли младенцами (запомним эти цифры!). Три дочери и четыре сына дожили до зрелого возраста. Умерла намного позже мужа, в Крыму. К умиравшей матери ездила Софья Андреевна. Для этого Толстому нужно было выписать ей разрешение, что она имеет право путешествовать одна, без мужа. Такие для женщин были времена!

Почему я обращаю внимание на цифры? Софья Андреевна в точности повторила свою мать. Тоже 13 детей и тоже пятеро умерли младенцами. Поэтому, когда современные женщины воздевают руки к небу и закатывают глаза: «Ах, 13 детей! Ах, пятеро умерли!» – и предлагают жене Толстого памятник поставить, мне хочется возразить, что тогда уж на памятнике должна быть и фигура ее матери.

Может, для XIX века это было не так страшно – 13 детей и 5 умерших маленькими? Половина детей даже в дворянских семьях умирали младенцами. От кори, гриппа, коклюша, чего угодно. Высокая температура, отсутствие антибиотиков. Это закладывалось в программу семьи. Первый умер, а мы уже второго родили. Второй умер, первый выжил. Нет, я все понимаю: матери страдали, но это не был какой-то шок. Я бы даже сказал, что к смерти взрослых детей относились с большим трагизмом.

К.Б./ Вы, Павел, смелый человек! Прочитав эти сло-

ва, 90 процентов матерей современности отправятся в супермаркет за помидорами, чтобы вас ими закидать. Если вы когда-то решите сравнивать или сопоставлять материнство XIX века и XXI – вам следует более внимательно изучить проблемы, легшие на женщин после века царствующего аборта, грубого и обязательного труда, истребления населения мировыми войнами, генетических заболеваний, получивших развитие в последние десятилетия, и другие вещи, кардинально поменявшие психологию и генетику женщин. Из века, в котором трясутся над каждым вторым ребенком, а каждый третий растет без родителей, – очень сложно адекватно оценить состояние матерей, рожаящих 13 детей, хоронящих половину и нередко умирающих в родовой горячке. Они для нас – героини! Но равновеликие нам, отваживающимся рожать третьего или четвертого ребенка в современных реалиях.

Подвиг Софьи Андреевны не столько в том, что она рожала, выкармливала, выхаживала детей и почти половину схоронила младенцами, а в том, что обстоятельства ее при этом были иные, чем у ее матери. Отец Сони был последователен в вопросах воспитания и образования детей. Не помню, чтобы в воспоминаниях Софьи Андреевны или ее сестры Татьяны говорилось об обратном. Что же касается Толстого – вы и сами знаете. С одним ребенком – давай в простоте, с другим – давай в шелках. То им достаточно домашнего образования, то согласен на гимназию, то вдруг «духовный переворот», и

давай вообще пойдем все огород сажать... Но от матери Софья Андреевна взяла очень много: и стойкость, и женственность, и внутреннюю строгость. Даже внешне, многие отмечали, Софья Андреевна была похожа на мать. Она выросла такой... женщиной для одного мужчины, для одной семьи, для одного дела – служения семье.

Отречение от детства

П.Б./ Катя! Вы, я вижу, очень внимательно читали «Мою жизнь». И вот теперь, не заглядывая в книгу, что вы помните из детства Сонечки? Только честно! Мне запомнилось то, как она с головой и ногами залезала в печь, чтобы достать матери, которая была постоянно беременной и страдала от интоксикации, уголь. Еще запомнилось, как она сладко спала на диванчике в ложе Берс, когда ее в десятый что ли раз повели на оперу «Жизнь за царя», а она ее уже наизусть помнила. Еще что на нее падала основная часть хозяйственных хлопот, потому что старшая сестра Лиза была умная и все время читала, а младшую Таню все баловали. Все! Где же куклы? Где плюшевый медвежонок без одного глаза? Где шушуканья с Танечкой в кладовой? Где прислуга? Где пациенты отца? Такое ощущение, что ее жизнь начинается с того момента, как на даче Берс в Покровском, где Сонечка родилась и провела 17 летних периодов своей жизни, появился граф, артиллерийский поручик и уже знаменитый писатель

Лев Толстой.

1856 год. Заехал по пути из Севастополя в Ясную Поляну в Подмосковьё, в село Покровское, к подруге детства Любе Берс (ее отец и отец Толстого были соседями по имениям, вместе охотились и дружили семьями). Вот этот момент, когда три девочки (Соне – одиннадцать лет) накрывают Толстому и его товарищу, их дяде К. А. Иславину, стол, – вот первая действительно яркая картина. Такое впечатление, что она одиннадцать лет провела «в ожидании Толстого». И не говорите мне про сорок лет, которые отделяли ее от детства и отрочества в начале работы над мемуарами. В это же время П. И. Бирюков просит Толстого написать свои воспоминания. И он пишет: «Моя жизнь» (название в точности, как у жены) и «Воспоминания». Все – о детстве! Помнит детство до мельчайших подробностей. Дальше – провал в памяти.

У вас нет такого впечатления, что жизнь Софьи Андреевны начинается с появления в их доме Толстого? Может, это у меня такая аберрация зрения?

К.Б./ Свои воспоминания о детстве, как единственном времени, в котором не было мучений, связанных с совместной жизнью с Толстым, Софья Андреевна все же очень берегла и лелеяла. Вы не увидите этого в ее мемуарах, но вы поймете это по ее Дневнику. Выскажу даже более радикальную мысль: она в каком-то смысле «погребла» свои воспоминания о детстве в период первых лет замужества. Как пытаются забыть первую любовь, которая слишком хороша и

так контрастна по сравнению со всем, что встречается в жизни потом. Софья Андреевна принесла и свое детство, «единственное, что не отдано было» Толстому, в жертву их семейной жизни. Но не до конца «погребла», что-то постоянно внутри ее ныло и просило вспомнить то яркое и чистое, что называется детством. Вот Лев Николаевич и Т. А. Кузминская сумели память о детстве сделать фундаментом будущего, позволяли себе любить детство и вспоминать его. У Софьи Андреевны была с этим, скажем прямо, «проблема». Она не сумела позволить детству вырасти внутри себя, пыталась стереть его, чтобы создать «другую себя», которую точно будет любить Толстой, которая будет соответствовать его представлению об идеале. Вот так и вышло, что до нас дошло только самое живучее из «затертого».

Что помню я из «Моей жизни»? Гораздо больше вашего. Помню, как она гуляла с папá и сестрами по стенам Кремля – один из поступков отца, которые Соня называет «папá баловал». Очарование ночи и крепостных стен в свете фонарей... Как детьми, вместе с братом Сашей и Таней, готовили подарок для старшей сестры Лизы. Каждый вложил что-то свое, надеясь порадовать сестру, а она выкинула подарок. Описание радости от хозяйственных забот, как нравилось ей «дежурство», общение со служащими в доме, как она выдавала им провизию... И особенно запомнилось, как Сонечка готовилась к экзаменам на домашнюю учительницу, сговорившись со своей подружкой. Как она, вопреки мнению родите-

лей, усердно занималась и сдала экзамены, «обскакав» сестру Лизу. А еще во время этих занятий у Зайковских они с другой ели «запрещенную» колбасу, которую достали из-под дивана. Да, описания кукол и мишек в этих мемуарах нет, то есть того, что ждешь от ребенка, который погружен в забавы. Но Соня не была такой девочкой. Она была озорная, но ее больше привлекали люди, социальные игры, детский театр, шалости и забавы не с куклами, а с живыми людьми. Она свою фантазию использовала в написании пьесок, повести, в актерских ролях. Ей было интереснее «играть в жизнь».

Три сестры

П.Б./ Давайте поговорим о сестрах... Три сестры – каноническая ситуация. Не случайно Чехов написал пьесу «Три сестры». Не две и не четыре, а именно три. Есть русская поговорка: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын». Не знаю, можно ли так сказать о дочерях. Но то, что три сестры всегда составляют такое сложное, порой противоречивое, но все-таки единое «тело», для меня очевидно. И сравнивая трех сестер, мы имеем прекрасную возможность глубоко понять женскую психологию в целом – не так ли?

К.Б./ Не знаю... Если три сестры и составляют «один организм», то ему еще надо долго «настраиваться», чтобы ни одна из «частей» не наносила вред другим «частям». Помните, как у Пушкина: «Три сестрицы под окном пряли

поздно вечером...»? И что потом с этими сестрами было? Две объединились против одной. Не каждая за себя, а именно две объединились против одной. Я такое часто наблюдаю со своими детьми. Если появляется кто-то третий в компании, то весь вечер идет постоянная перекомпоновка «по парам». Так что не знаю, возможны ли гармоничные отношения между тремя сестрами. Может быть, как у Танечки Берс, – дружна отдельно с одной и отдельно с другой? В моменты общей увлеченности или общей задачи – будут объединяться две взрослые дочери – Лиза и Соня. У них и платья бежевые, и в театр они вместе ездят, и писать письма кавалерам им обеим нельзя, и экзамен держат обе. Не было душевных отношений, была конкуренция, но что-то их объединяло в эти моменты.

Вроде цифра «три» считается завершенной, табурет может быть устойчивым при трех ножках. А между людьми так не работает, тут работает «закон Ноя» – каждому по паре.

П.Б./ И все-таки сестры...

ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕЕВНА БЕРС (1843–1919) – старшая сестра. Но что значит – старшая? Она старше Сони всего на год. И на три года старше самой младшей – Тани.

Кстати. Из пяти сыновей Берс только один, Александр, был старше на год самой младшей сестры Танечки. Саша родился в 1845 году. Все остальные сыновья рождались после дочерей, некоторые значительно позже. Так, Вячеслав, будущий инженер путей сообщения, убитый во время революции

1905–1907 годов, родился в 1861 году. Это значит, что, когда Соня выходила замуж, он был грудным младенцем. Степан, самый близкий Толстому из сыновей Берс (он написал книгу воспоминаний о Толстом), родился в 1855-м. Десятилетняя разница с Соней. И вот я думаю, как органично была устроена эта семья! Сначала нарожали дочерей погодок, потом приступили к рождению сыновей. (Об умерших младенцах мы не говорим.) Девочки помогали матери нянчиться с мальчиками, и больше всего этой заботы легло на Соню. Но ей и нравилось это, в отличие от Лизы. Лиза была красивой, но холодной. Это отмечают и Соня, и Таня.

Правильные черты ее лица, серьезные выразительные глаза и высокий рост делали ее красивой девушкой, но она как-то не умела пользоваться жизнью, не умела быть юной, в ней не было той «изюминки», по определению Льва Николаевича, той жизненной энергии, что он находил в нас с Соней.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Вообще с сестрой Лизой мы дружны не были. Саша (брат. – П. Б.), Таня и я составляли одно дружеское, веселое и занятое своим особым миром целое; сестра Лиза держалась особняком, и ссоры с ней иногда обострялись. Построим мы себе из шалей и одеял домики; у нас идет целая жизнь воображения в этих домиках, Лиза же возьмет книгу и читает, например, «Космос» Гумбольдта. Наш шум ей мешает,

она сердится.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Лиза всегда почему-то с легким презрением относилась к семейным, будничным заботам. Маленькие дети, их кормление, пеленки, все это вызывало в ней не то брезгливость, не то скуку. Соня, напротив, часто сидела в детской, играла с маленькими братьями, забавляла их во время их болезни, выучилась для них играть на гармонии и часто помогала матери в ее хозяйственных заботах.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Лиза – умная, красивая, но холодная и не общительная. Полная противоположность Соне и Тане, о которых Толстой впоследствии скажет, причем им в лицо, что они «очень паристы» (хорошо смотрятся в паре), как две лошади. И, будь они лошадьми, любой коннозаводчик дал бы за них хорошую цену.

К.Б./ Сомнительный комплимент! Вполне в духе Толстого. С другой стороны, зная, какой ценностью обладали лошади в XIX веке, это о-го-го какой комплимент! А Лиза, значит, коннозаводчиков не заинтересовала бы?

П.Б./ Не скажу за коннозаводчиков, но о неудаче Лизы в ее мечтах выйти замуж за Толстого подробно мы поговорим позже. Но вот что интересно. Именно Лиза первой, раньше Сони, стала литературной помощницей Толстого. Он привлек ее к сотрудничеству в своем журнале «Ясная Поляна».

Там она напечатала две статьи: «О Магомете» и «О Лютере». Первая статья была с предисловием Толстого. Вторая вышла в сентябре 1862 года, когда Лев Николаевич женился на Соне, «обманув» Лизу. То есть женился на средней сестре, а старшую использовал как сотрудницу в журнале. Практичный был однако!

Но шутки шутками, а вернемся к вопросу о том, что могла женщина в XIX веке, кроме того, чтобы быть женой и матерью. На самом деле не так уж и мало. Именно Лиза впоследствии оказалась самой прогрессивной среди трех сестер. Она серьезно занималась экономикой и выпустила три книги: «О причинах разорения земледельческой России» (СПб., 1899), «Вопросы нашего времени» (СПб., 1902) и «Курс на русский рубль» (Пг., 1914). Особенно любопытно название третьей книги, которое сегодня звучит весьма актуально.

Вот вы говорили: Любовь Менделеева была историком балета, а не только женой Блока. Так же и Елизавета была экономистом, а не только женой... Но и тут все очень непросто...

Вот смотрите. Соня – живая, Таня – огонь! А Лиза – умная, но холодная. Но, в отличие от Сони и Тани, Лиза была замужем дважды. Первый раз – за флигель-адъютантом Г. Е. Павленковым (у него были такие роскошные усы!), второй раз – за двоюродным братом А. А. Берсом. И дело не в том, что она сначала поменяла фамилию Берс на Павленкову, а потом опять стала Берс. Дело в том, что она ушла от

Павленкова к другому мужчине. И не просто ушла, а развелась с первым мужем, что в XIX веке было о-очень трудно! Так что холодная-то холодная, но судьбу свою построила сама, и уж точно без Толстого. Впрочем, она оказывала ему помощь в написании «Войны и мира». Прислала ему список книг по истории войны 1812 года. И вот о ней как раз можно сказать: не только жена, но историк и экономист.

К.Б./ Пospорить сложно – Елизавета сделала свою жизнь сама. Она и в детстве отличалась самостоятельностью суждений. Например, ее мнение о пользе образования для женщины кардинально отличалось от взглядов матери на этот вопрос. Но, Павел, зачем Толстому такая жена? Ему, получившему ласку и нежность за все свои 34 года только от тетушки Ёргольской, все-таки именно этого не хватало, – теплой женской любви. Он это и нашел в Сонечке – нежное, сентиментальное сердце и готовность служить.

П.Б./ Да, вы правы. Но продолжим...

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА БЕРС-КУЗМИНСКАЯ (1846–1925). Что тут скажешь? Снимаю шляпу! Прямой прототип Наташи Ростовской! Ну, просто Толстой списывал свою героиню в ее ранние годы с Танечки. Это может показаться смешным, но когда Танечка еще до замужества приезжала в Ясную Поляну, Лев Николаевич ходил за ней по пятам с блокнотом в руке и записывал ее жесты, мимику, особенности речи. То есть использовал ее как модель. Именно Таня стала главной героиней девичьей повести Сони «Наташа», ко-

торуя она уничтожила, но Толстой успел ее прочитать, как и сама Таня. Потом имя Наташа перекочевало в «Войну и мир».

Понимаете, Катя, для любой мировой актрисы, сколь угодно звездной, сыграть Наташу Ростову (как и Анну Каренину) – это примерно то же, что для актера сыграть Гамлета. Это – мечта! А Таня сыграла Наташу Ростову еще до того, как Толстой ее написал.

К.Б./ Да! Она была очень яркой! Вот уж кому досталось отцовское чувство юмора! Насколько я помню, она много кого заставляла любоваться собой и вдохновляла. Фета, например, посвятившего ей стихи, ставшие одним из самых знаменитых романсов: «Сияла ночь, луной был полон сад...»

П.Б./ Когда Толстой женился на Соне, Тане было 14 лет. Но у меня нет ни малейшего сомнения, что Лев Николаевич был влюблен и в Таню, причем отнюдь не платонической любовью. Об этом есть откровенные записи в его дневнике, что Таня – «соблазн» для него. И это понятно. Когда 14-летняя девочка ездит на тебе верхом... А она проделывала это с Толстым в доме Берс. И потом, когда Софья Андреевна была уже беременна, а Таня приезжала в Ясную и в обтягивающей «амазонке» отправлялась с Толстым на конную прогулку... Софья Андреевна, не скрывая, пишет в Дневнике, что она ревновала мужа к младшей сестре и что нельзя «даже самых близких людей впускать в свою семейную жизнь».

Но с Танечкой вышла своя драматическая история. Она

влюбилась в старшего брата Льва Николаевича Сергея Николаевича Толстого, майора гвардии в отставке, помещика, жившего в имении Пирогово в нескольких десятках километрах от Ясной Поляны. Он в нее тоже влюбился, при разнице в возрасте в 20 лет. Но беда в том, что у него уже была гражданская (то есть незаконная) жена – цыганка Мария Шишкина. Когда-то он выкупил ее из знаменитого цыганского хора Шишкиных, она родила ему троих детей, и уже намечался четвертый. Роман между Таней и Сергеем Николаевичем был мучительный и закончился тем, что он все-таки остался с цыганкой и обвенчался с ней. Потом Таня вышла замуж за своего кузена Александра Кузминского – прототипа Бориса Друбецкого в «Войне и мире».

Замуж она вышла не по любви и была не слишком счастливой. Главное – ее постоянно тянуло в Ясную Поляну, к Толстым, а Кузминскому это не нравилось, он ревновал. Тем не менее и после замужества Татьяна Кузминская почти каждое лето с семьей проводила в Ясной Поляне. Флигель, где они жили, сегодня называется «Флигель Кузминских» и является частью музейно-усадебного комплекса «Ясная Поляна». О ее отношении к Толстому можно судить по таким ее словам, написанным уже в конце жизни:

Какая счастливая звезда загорелась надо мной, или какая слепая судьба закинула меня с юных лет и до старости прожить с таким человеком, как Лев Николаевич!.. Я была свидетельницей всех ступеней

переживаний этого великого человека, как и он был руководителем и судьей всех моих молодых безумств, а позднее – другом и советчиком. Ему одному я слепо верила, его одного я слушалась с молодых лет.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Она и умерла в Ясной Поляне в 1925 году, пережив старшую сестру на шесть лет. Похоронена на кладбище в Кочаках, где находится семейный некрополь Толстых.

К.Б./ А знаете, ведь и Толстому повезло с такой свояченицей и сердечным другом. Какой художник не мечтает иметь всю жизнь рядом такую «фактурную» модель? Ее же не пробивали даже его колкие замечания! Она всегда разряжала обстановку, умела создать вокруг себя легкость, веселье, жизнь. И к самой себе относилась с иронией. Танечка была из тех девочек, девушек, женщин, которых невозможно не любить.

Мы много о тебе говорим. Ты – общая любимица. Сережа (С. Н. Толстой, старший брат Л. Н. Толстого. – П. Б.) о тебе расспрашивал, а я ему рассказывала, что в тебе, кроме веселой, беззаботной стороны, есть еще, в сущности, серьезная, дельная сторона. Лёвочка же рассказывал о том, какая ты была на нашей свадьбе авантажная и с каким светским тактом. Видишь, сколько о тебе говорят у нас.

(Из письма Софьи Андреевны сестре. В книге: Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

П.Б./ Ну, и наконец, о средней сестре – Соне, заглавной

героине...

К.Б./ Позвольте! Мы о ней все время и говорим!

П.Б./ Э нет! Мы только начинаем о ней говорить. Мы только ищем пути подхода к этой женщине. Мы пробираемся к ней, тыкаясь в разные направления, – в темноте и на ощупь. Пока она – просто сестра. Одна из. Вот какой ее видела Таня:

Соня была здоровая, румяная девочка с темно-кариыми большими глазами и темной косой. Она имела очень живой характер с легким оттенком сентиментальности, которая легко переходила в грусть. Соня никогда не отдавалась полному веселью или счастью, чем баловала ее юная жизнь и первые годы замужества. Она как будто не доверяла счастью, не умела его взять и всецело пользоваться им. Ей все казалось, что сейчас что-нибудь помешает ему или что-нибудь другое должно прийти, чтобы счастье было полное.

Эта черта ее характера осталась у нее на всю жизнь. Она сама признавала в себе эту черту и писала мне в одном из своих писем:

«И видна ты с этим удивительным, завидным даром находить веселье во всем и во всех; не то, что я, которая, напротив, в веселье и счастье умеет найти грустное».

Отец знал в ней эту черту характера и говорил: «Бедная Сонюшка никогда не будет вполне счастлива».
(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Ух какой сразу возникает непростой характер! Все сестры непростые, но Соня, конечно, что-то особенное. Но о сложности ее характера мы будем говорить на протяжении всех наших диалогов. А сейчас я просто хочу понять: как, почему именно эта сестра свела с ума 34-летнего Толстого? В чем секрет ее обаяния? Да, у Толстого до женитьбы были женщины, но такие, которых он, будем говорить откровенно, *покупал*. А Соня была абсолютна перед ним чиста, но...

Сколько же зрелых мужчин и мальчиков были влюблены в Сонечку! Это и кадет Поливанов, и 14-летний Саша Перфильев, и 35-летний профессор Нил Александрович Попов, и учитель русского языка Василий Иванович Богданов, и сын придворного аптекаря, и сын поэта и партизана Дениса Давыдова, и сын акушера Янихин. Ну просто целый «взвод» разбитых сердец!

Для русского языка был взят студент Василий Иванович Богданов. Он провел с нами лето в Покровском, занимался с братьями и нами, сестрами. Он, как говорится, «пришелся ко двору» и стал в доме нашем своим человеком. Он задался мыслью «развивать» нас, в особенности сестер, носил им читать Бюхнера и Фохта, восхищался романом Тургенева «Отцы и дети», читал его нам вслух и влюбился в Соню, которая хорошела с каждым днем. Сам Василий Иванович был живой и быстрый, носил очки и лохматые, густые волосы, зачесанные назад. Однажды, помогая Соне переносить что-то, он

схватил ее руку и поцеловал. Соня отдернула ее, взяла носовой платок и отерла ее.

– Как вы смеете! – закричала она.

Он схватился за голову и проговорил:

– Извините меня.

Соня говорила про это мамá, но мать обвинила ее и сказала:

– Бери пример, как держит себя Лиза, с ней этого не случится.

– Лиза каменная, она никого не жалеет, а я его на днях пожалела, когда он рассказывал, как делали операцию его маленькому брату, – говорила Соня, – вот он и осмелился. Теперь я больше не буду жалеть его.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

В чем был секрет ее обаяния? Какие тут женские хитрости? Или не хитрости?

К.Б./ Есть вещи, которые не поддаются объяснению. Божественная химия, которую умом не понять даже самим женщинам. Но по поводу Сонечки у меня есть кое-какие предположения. Вот в приведенной вами цитате уже есть один, скажем так, «элемент женского обаяния» – умение сочувствовать. Мужчины любят, когда их проблемам искренне сопереживают и жалеют их. Стоило Сонечке кого-то пожалеть, в том числе Льва Николаевича (вспомним ситуацию, когда она пожалела о его повести «Казачья», которую он вынужден был продать издателю Каткову, потому что проигрался в китайский бильярд), или кадета Поливанова, у ко-

торого умерла сестра, – так сразу она становилась в их глазах интересной и привлекательной. «Элемент номер два» – деловитость, хозяйственность. Какому мужчине не хочется, чтобы женщина, наливая ему чашечку кофе, участливо интересовалась: «Сахару? Сливки?»

Но еще в ней была какая-то внутренняя трагичность, которая прорывалась через живость и озорство. Некая «тайна», которая так манит мужчин. Как называет это Таня Берс: «угнетенная невинность». Это такая тень покорности мужчине: «Веди меня, ты сильный, ты большой, а я за тобой слеую». И контрастом к этому: «Я государыня! Велю везти меня, велю столы накрывать», – как это было в игре, в которой Толстой участвовал в роли возницы. Какова, а?! Живая она была, понимаете? Настоящая. Прямолинейная, без фальши, и к тому же с удивительным чутьем к другим людям. Много-сложная? – да! Специально ли она соблазняла будущего жениха? Не думаю. Не всегда женщина такого типа делает что-то специально. Даже скорее наоборот – чем больше она занимается собой, искренна в проявлении себя, не стесняется своих интересов и идет по жизни так, будто она Ева в райском саду, – тем больше она привлекает к себе.

Вот, пожалуй, и всё.

Толстого нет?

П.Б./ На этой загадочной ноте и закончим первый разго-

вор. Но что я вам хочу сказать в его конце, Катя. Первый наш диалог называется «Толстого нет». То есть мы хотели поговорить о жизни Сони «дотолстовского периода». А знаете, сколько раз в нашей беседе упоминается Толстой? Больше шестидесяти раз! Вот вам и «Толстого нет»! Куда без него? Один ноль в мою пользу?

К.Б./ Не уверена, что это была честная игра. Разговор вели вы, вы больше в теме, и понятно, что Толстой вам интересен больше, чем его жена. Но мне, например, наоборот...

П.Б./ Но это действительно несоизмеримые величины! Софья Андреевна – не мировой гений. Ее прозу не экранизируют в десятках версий, как «Анну Каренину». Ее взгляды не интересуют людей во всех странах, от Японии до США, от Индии до Китая, от Европы до Австралии. Давайте смотреть на вещи объективно!

К.Б./ Давайте! И, быть может, получится так, что «скромные» взгляды Софьи Андреевны на женский вопрос, на положение женщины в мире интересуют большее количество людей на земле, чем взгляды Толстого. Я имею в виду просто женщин.

Глава вторая

Жених и невеста

Сватовство поручика

П.Б./ История сватовства Толстого к Сонечке Берс мне напоминает пьесу XVIII века, причем с комедийным оттенком. Если бы ее написал, например, Мольер, он непременно назвал бы ее «Разборчивый жених». Сюжет пьесы вкратце был бы такой. Поручик в отставке, помещик и родовитый граф поставил себе неперенной целью жениться. Но поскольку он высокого о себе мнения, то найти невесту, которая отвечала бы всем его крайне завышенным требованиям, трудно, практически невозможно. И вот он «отказывает» одной, второй, третьей... При этом все невесты – юные создания, а жениху уже за тридцать. Граф вхож в дом придворного медика, где живут три сестры. Две – на выданье, одна – еще ребенок. Этот ребенок будет в нашей пьесе вроде резонера. Она будет азартно следить за происходящими событиями и комментировать их, а зритель будет смеяться и умиляться ее наивным репликам, помня, что устами ребенка глаголет истина.

В какой-то момент граф решает остановить свой благо-

склонный взор на этих сестрах. Но кого же он выберет? В семье гоф-медика уверены, что, конечно, старшую. Во-первых, так положено, чтобы первой замуж выходила старшая сестра. Во-вторых, она вполне соответствует графу, который мнит себя еще и большим писателем, а старшая – постоянно читает умные книжки, ведет с графом умные разговоры... При этом она хотя и красива, но холодна. Тем не менее она убедила себя, что полюбила графа и ждет от него предложения. Она начинает много времени проводить перед зеркалом, к приходу графа прихорашивается, а младшенькая, резонер, над ней посмеивается вместе со зрителем. Но тут, как на грех, в графа влюбляется средняя сестра. Она понимает, что шансы ее невелики, потому что все в семье готовятся к сватовству графа к старшей сестре, да и в «обществе» об этом уже ходят слухи. Но средняя сестра не так проста, как кажется вначале. Она в семье вроде Золушки, на нее падает основная часть хозяйственных забот, но мы же помним, кто из трех сестер одержал победу над принцем в сказке о Золушке. Только вот доброй феи нет, и средней сестре приходится действовать самой, впрочем, в союзе с младшей сестрой, которая не любит старшую и любит проказничать.

Финал пьесы понятен. Граф сходит с ума от средней сестры, мучается, ревнует к ее кавалерам и, наконец, делает предложение, будучи уверенным, что ему откажут. Но она говорит: «Разумеется, да!» Занавес. Мораль: не родись красивой и умной, а родись счастливой.

Как вам такая пьеса?

К.Б./ Знаете, а мне нравится! Пьеса прекрасна. А уж если прибавить к ней современную хореографию... Вас ждет успех! Но у меня с историей сватовства Толстого к Соне другая ассоциация.

Помните тот момент, когда «плененный» граф, оставшись наедине с Соней, решается написать ей фразу мелком на столе начальными буквами? А она по какому-то вдохновению прочитывает с ходу эту фразу целиком. Это, собственно, и есть тот момент, когда «разборчивый жених» понял, что попал в яблочко. Мне это напоминает сюжет из «Гарри Поттера». Главный герой не подозревал до поры до времени, что умеет разговаривать на *парселтанге* – магическом языке змей. Со стороны иногда он выглядел сумасшедшим, уговаривая какую-нибудь змею о чем-нибудь. Пока не столкнулся с человеком, который тоже знал этот язык. И оказалось, что это знание настолько редкое, что связывает людей, которые обладают им, особой близостью. Даже если эти люди – враги. Так вот, мне кажется, что Лев Николаевич и Сонечка вдруг поняли в тот момент, что они говорят на *парселтанге*, и от судьбы не уйдешь – такое встречается один случай на миллион.

П.Б./ Я с вами поспорю, но чуть позже. А пока рассмотрим ситуацию всерьез.

Вернувшись в 1856 году с Крымской войны после падения Севастополя, где он находился до последнего дня оса-

ды и видел горящий город, Толстой по пути в Ясную Поляну решает навестить подругу своего детства Любовь Александровну Берс. В раннем детстве Лёвочка был влюблен в Любочку, но свою любовь проявил весьма странным образом. Рассердившись на что-то, он столкнул ее с балкона дома в Ясной Поляне.

Итак, май 1856 года... Толстой вместе со своим приятелем Константином Иславиным, родным братом Любви Александровны, приезжает к Берсам. Берсы в это время живут в селе Покровском под Москвой, на своей постоянной летней даче. По какой-то причине в доме нет прислуги, и гостям прислуживают три сестры. Старшей Лизе – тринадцать лет, средней Соне в конце лета исполнится двенадцать, младшей Тане в октябре будет десять. То есть ни одна еще не невеста.

Девочкам очень весело, а с другой стороны – они впервые чувствуют себя «взрослыми». Они сами накрывают стол гостям, один из которых – герой Севастополя, известный писатель, автор «Детства» и очерков о Севастополе.

Жили мы на даче, в Покровском Глебова-Стрешнева. Мы уже пообедали, когда вдруг видим – идут к нам пешком дядя Костя и Лев Николаевич...

– Ну, девочки, кто дежурная? Давайте нам с Лёвочкой обедать, – сказал дядя Костя...

Мы побежали с сестрой Лизой в кухню. Почтенная старая кухарка наша, прожившая всю жизнь в нашей семье, Степанида Трифионовна, уже сняв свой беленький

чепец и фартук, ушла к себе наверх и лежала на высокой перине и еще более высоких подушках. Мы не смели ее беспокоить. Сами подожгли дрова, разогрели обед и сами же служили своим любимым гостям.

– Славные девочки, – говорил Лев Николаевич. – Как хорошо накормили нас.

Он видимо любовался нами, и это придавало еще более радости нашим трудам.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Кстати... Слово «видимо» в XIX веке означало не «наверное», то есть не выражало сомнение, а носило как раз утвердительный смысл. «Видимо любовался» – значит, буквально было видно, как Толстой ими любит.

Толстой в дневнике пишет об этой встрече коротко: «Обедали у Любочки Берс. Дети нам прислуживали. Что за милые, веселые девочки». Он их еще не различает. Просто «милые девочки».

И вот я хочу задать вам, Катя, один деликатный вопрос. Понятно, что Софья Андреевна не могла об этом написать в силу определенных этических границ, в которых была воспитана. Я не говорю о Тане. Но двенадцати- и тринадцатилетние девочки, Лиза и Соня, могли испытывать в отношении взрослого, 27-летнего мужчины какие-то чувства, выходящие за рамки детского восприятия?

К.Б./ Безусловно! Одно то, что Софья Андреевна ставит слово «любовался», свидетельствует, что она на это обратила внимание и что это ей было приятно. Кстати, у Т. А. Куз-

минской этот случай описан более развернуто и оканчивается так: «Темнело, было уже поздно. Наши гости простились и уехали в Москву, оставив нас нагруженными разными впечатлениями». Чувствуете разницу? Что происходит в голове у девочки, которая не озабочена тем, какое она производит впечатление? Там происходит оценка всего относительно себя: «мне было хорошо», «оставили нас нагруженными разными впечатлениями». А у Сонечки: «любовался нами». Значит – хотели произвести впечатление, и получилось, значит – смотрел и оценил, задержал взгляд. Это уже женская кокетливость и ожидание мужского внимания.

Здесь еще вот что интересно! Лев Николаевич был близким другом матери и даже, как вы говорите, в детстве был влюблен в Любовь Александровну. О-о-о! Что за счастье понравиться мужчине, который был влюблен в твою мать! Вы ведь знаете теорию взаимоотношений детей и родителей противоположного пола? Психологию девочек, которые, как только входят в сознательное детство, пытаются всячески переключить внимание отца с матери на себя? И вот мужчина, взрослый, да еще и друг детства матери! Просто «комбо» – два фактора в одном!

Дистанция огромного размера

П.Б./ А теперь представим себе Толстого и Соню в период с 1856 по 1862 год.

ОН. Поручик, помещик, родовитый граф. Участник Кавказской и Крымской кампаний. На обеих войнах мог погибнуть, особенно – в Севастополе, когда находился на 4-м, самом опасном, бастионе. Своими глазами видел сражение на речке Черной в августе 1855 года, где русские потеряли 8 тысяч человек, из них более двух тысяч убитыми. Толстой со своей горной батареей был на этом сражении, но участие не принимал, не было приказа. 30 августа он видел пылающий Севастополь и разыскивал своего товарища Колошина, который погиб в последнем сражении за город.

Это одна сторона медали. Другая – Толстой уже знаменитый писатель, автор некрасовского журнала «Современник». Его прозой восторгается главный писатель того времени Иван Тургенев, он знакомится с виднейшими литераторами эпохи – Некрасовым, Гончаровым, Дружининым, Фетом, Григоровичем и другими. После неудачи в военной карьере (дослужился только до поручика; для сравнения: его брат Сергей, нигде не воевавший, был майором гвардии) решает стать писателем. Причем, будем говорить откровенно, он видит в этом не только свое призвание, но и карьерную составляющую. Впоследствии главным грехом молодости Толстой считал тщеславие. Он прямо говорил, что хотел тогда стать «литературным генералом».

Но были и другие грехи. Карты, цыгане... И еще то, что потом мучило Софью Андреевну. Десятью днями раньше записи в дневнике о «милых девочках» он пишет: «Никогда

не упускай случаев наслаждения и никогда не ищи их. Даю себе правило на веки никогда не входить ни в один кабаk и ни в один бардель...» А в феврале 1856 года: «Поссорился с Тургеневым, и у меня девка».

Так что психологическая дистанция между будущим женихом и невестой в это время огромна.

...странный он (Толстой. – П. Б.) человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича – что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо – высоконравственное и в то же время несимпатическое существо.

(И. С. Тургенев. Письмо П. В. Анненкову 1857 года)

За последующие до женитьбы шесть лет эта дистанция не исчезнет. Тем более что Толстой в период с 1856 по 1862 год пережил многое. Он дважды побывал за границей, второй раз – основательно. Исследовал Европу, посетил Англию, встречался с Герценом. Изучил европейскую и английскую системы образования, собираясь применить этот опыт в яснополянской школе для крестьянских детей. Пережил личную трагедию: в 1860 году во французском городке Гиере на его руках от чахотки умер старший брат Николай. (До этого в январе 1856 года в Орле от чахотки умер его брат Дмитрий.) Николенька после ранней смерти отца Толстых и еще более ранней смерти матери был младшим братьям – Сергею, Дмитрию и Льву – как отец. Подростками они обраща-

лись к нему на «вы». Смерть Николеньки была страшным потрясением для Льва. По сути, именно тогда он испытал первый религиозный кризис.

Но был и другой опыт. В Ясной Поляне Толстой влюбился в замужнюю крестьянку Аксиныю Базыкину, которая родила ему внебрачного сына Тимофея. Этот бурный роман он зафиксировал в дневнике, а в поздние годы описал в повести «Дьявол».

ОНА. Но и Сонечка в своем развитии с 1856 по 1862 год проделала огромный путь. За месяц до женитьбы ей исполнилось 18 лет. По законам Российской империи девушки могли выходить замуж с шестнадцати лет (как это и сделала мать Сони), юноши – с восемнадцати. С другой стороны – если девушка не выходила замуж, совершеннолетней она считалась с двадцати одного года, юноши – с восемнадцати лет. То есть физиология отдельно, дееспособность – отдельно.

Тем не менее восемнадцать лет – это серьезный возраст для девушки XIX века. Тогда раньше умирали, но и раньше взрослели. Напомню факт, который скорее всего покажется оскорбительным современной женщине. «Старухе-процентщице» в «Преступлении и наказании» Достоевского – 60 лет. Она – «старуха».

Восемнадцатилетняя Сонечка – это девушка, которая уже пережила любовное увлечение другом своего брата Саши кадетом Поливановым. Она даже была с ним тайно помолвле-

на. Она имеет опыт няньки с маленькими детьми. Она сдала экзамены, и у нее диплом домашней учительницы. Она написала повесть «Наташа», которую прочитал и оценил Толстой.

Как вы думаете: кто за шесть лет проделал бóльший путь в развитии, Сонечка или Лев Николаевич? Мне кажется, что Соня. Она как бы «нагнала» графа.

К.Б./ Сонечка в эти годы идет своей дорогой. С тринадцати до восемнадцати лет – переходный период, со всем безумством гормонов и атакующих моральных вопросов. Это время перехода из беззаботного детского сна в тревожную подростковую бессонницу. Время строительства воздушных замков и первые посягновения на них реальности. Девочка физически формируется, приобретает навыки, знания, она «накапливает свой капитал». Все девочки в этом одинаковы – они в этот период «накопители» заряда на будущую жизнь.

Но что их может роднить со взрослым мужчиной, переживающим смерть родных, свои собственные страсти и последствия серьезных проступков? С мужчиной, который уже отчасти растратил свой заряд? Скажем так, Сонечка в это время еще плавает в детском бассейне, на мелководье, но мечтает перейти во взрослый бассейн. А Лев Николаевич давно во взрослом бассейне и скучает в нем. Кто какой душевный путь прошел? Но в одном они шли похожими путями – оба изучали жизнь, людей, их поступки, анализировали

их и литературно перерабатывали. На этой дорожке Сонечка немножко ближе была к Льву Николаевичу, чем на остальных.

Анатомия истерики

П.Б./ Пытаясь разобраться в самосознании юной Сони, я не могу понять ее гипертрофированного представления о «чистоте». Ну, то есть головой я это могу понять, но не могу до конца в это поверить. Мне это видится чем-то болезненным, ненормальным. С другой стороны, я не исключаю, что все это она выдумала, но сама в это поверила как в реальное переживание.

В ее воспоминаниях есть два места, когда она бросается на кровать и рыдает в голос, так что матери приходится ее урезонивать. Один момент – когда Толстой сообщает Берсам, что проиграл на китайском бильярде тысячу рублей и поэтому вынужден продать повесть «Казачьи» издателю М. Н. Каткову. (Между прочим, тысяча рублей за повесть – недурной в то время гонорар. Достоевскому Катков платил меньше.) Услышав это, Соня говорит: «Как? Выходит, что вы проиграли свое сочинение?» И «разрыдавшись, убежала в свою комнату, где продолжала горько плакать».

Что такого страшного произошло? Какая связь между литературным значением повести «Казачьи» и проигрышем на бильярде? Упомянутый Достоевский проигрывал не то что

гонорары, но и авансы под еще не написанные романы, и его молодая супруга Анна Григорьевна не падала на кровать и не билась в истерике. Когда она вышла замуж за Федора Михайловича, ей было 19 лет. Однажды в Бадене он проиграл в рулетку все свои вещи и вещи своей жены. И даже обручальные кольца.

В предыдущем разговоре вы сказали, что Соня Толстого пожалела в ситуации с «Казаками». Не пожалела, а строго осудила!

Ну, ладно. Поверим, что у Сони было такое высокое представление о своем литературном кумире, что она не могла перенести того, что он «проиграл свое сочинение». Он ведь действительно был ее кумиром. Она чуть ли не наизусть знала повесть «Детство», во всяком случае точно помнила наизусть такие строки:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений...

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, – но о чем они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье...

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может

быть лучшие того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни? Где те горячие молитвы? где лучший дар – те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Эти строки Сонечка вписала в свой дневник, а Лиза это прочитала и написала на обороте страницы: «Дура». Собственно, в этот момент, думаю, и была решена ее участь. Не она, а Соня станет женой писателя Льва Толстого.

Но был и еще случай, когда Соня устроила истерику.

Когда мне было 15 лет, приехала к нам гостить двоюродная сестра Люба Берс, у которой только что вышла замуж сестра Наташа. Эта Люба под большим секретом сообщила мне и сестре Лизе все тайны брачных отношений. Это открытие мне, все идеализирующей девочке, было просто ужасно. Со мной сделалась истерика; я бросилась на постель и начала так рыдать, что прибежала мать, и на ее вопросы, что со мной, я только одно могла ответить: «Мама, сделайте так, чтоб я забыла».

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Понимаете, я не могу прочувствовать то, что переживает девочка в 15 лет. Но все подростки однажды проходят эту «инициацию» со слов старших мальчиков или девочек, или каким-то другим образом, что-то случайно увидев, подслу-

шав... Но никто к пятнадцати годам не верит в аистов, детей приносящих. И насколько я помню себя и своих друзей, всё, что «про это», вызывает у подростков жгучий интерес. Почему Лиза не впала в истерику? Почему у Тани в воспоминаниях нет ничего про истерику?

Я не то что не верю Софье Андреевне, но чувствую: тут есть какая-то засада. Дочь врача, мать постоянно рождает. И, конечно, не в перинатальном центре, а дома с акушеркой. Допустим, девочек в это время отправляют гулять (с лакеем «в каске с шишаком», как вспоминает Софья Андреевна). Но они же не дурочки! Вот прямо она в 15 лет ничего «про это» не знала.

Нет, я верю, что с ней была истерика. Но у меня закрадывается очень серьезное подозрение, что тут дело не в «чистоте». С ее психикой не все было в порядке. Или это какая-то очень странная особенность ее внутреннего мира, которая потом будет постоянно в ней проявляться, станет лейтмотивом ее Дневника и серьезной проблемой для ее мужа. Это при том что после женитьбы такого ригориста по части нравственности, как Толстой, надо еще поискать. Но пока не будем касаться этой сложной темы, мы говорим о юной Сонечке.

Вы со мной не согласны?

К.Б./ Мне кажется, вы сделали один типичный для всех мужчин вывод: истеричность – признак ненормальности, отклонения от здоровой психики. Такой прямой связи не суще-

ствует. Женскую склонность к истерикам следует рассматривать в комплексе всего поведения женщины и окружающих ее обстоятельств.

Для начала я бы разделила ваш вопрос на две составляющие. Первая – ее представление о «чистоте». Вторая составляющая – чрезмерная восприимчивость, которая становилась причиной истерик.

Сюжет с рассказом родственницы о тайнах брачных отношений занимателен с разных сторон. Нет ничего странного, что в мемуарах не зафиксирован такой важный для девочек этап столкновения с «нечистой» женской реальностью, как начало «циклов» – слишком интимно, и разговаривать об этом не между девочками считается неприличным. Но это то, что действительно повергает девочек в шок и физиологически превращает их в женщин, существо, способное к репродукции. Я думаю, Сонечка к пятнадцати годам уже вполне понимала, что к чему в этой сфере жизни. Ее зацикленность на «чистоте» была завязана на нарушении идеалистических представлений об отношениях между мужчиной и женщиной. Она была из тех девочек, которые фокусируются на душевной стороне взаимоотношений. Нравиться хотелось – но нравиться «со стороны». Чтобы любовались, делали комплименты. Но Сонечка росла в семье, где нравы строились на религиозных основах. Понятие о сохранении невинности мысли и тела культивировалось – даже письма писать кавалерам после шестнадцати лет нельзя. И вдруг

осознать, что секс при вступлении в брак становится обязательным элементом жизни... Понимаете – обязательным, а не добровольным. Это разрыв шаблона! Проблема Сони еще в том, что она была... немного сказочницей. Она иногда верила в то, что рисовало ей воображение. И в этом идеальном мире, которым она грезила, между мужчиной и женщиной не было ничего «животного», были гармония душ и нежность легких касаний.

Семейная жизнь с Львом Николаевичем усугубила это представление. В дневниках он яростно осуждал половые желания и культивировал мысль о греховности секса, а в жизни был пылким любовником, получавшим наслаждение от физической близости с женой. Она много раз отмечает это в Дневнике и не понимает, как такое возможно. Она считает это признаком лицемерия. Она не права, но это другой вопрос. У них разные психотипы. Это противоречие в жизни с Толстым ее совсем запутало. Надо любить секс или ненавидеть его? В итоге Софья Андреевна выбрала этот вопрос «чистоты» в качестве своего знамени в борьбе с мужем, которое несла всю жизнь.

Теперь об истериках. Что такое истерика? Это – море слез, резкость движений, в каком-то смысле «глухота» к происходящему вокруг. Так защищается внутренний мир, когда он переживает что-то важное. Он отгораживается от внешнего мира, чтобы завершить некий внутренний процесс. У кого-то состояние истерики происходит вообще молча, а у

кого-то вот так, как у Сони, – с рыданиями. Но в этом нет ничего ненормального для ребенка, для девушки. Это – не признак будущих психологических проблем. Такие девушки, как Соня, – эмоциональные натуры, которые потому и способны служить другим людям, заботиться о них, что их душевная материя как сверхчувствительная фотобумага.

Если бы в жизни Сони, особенно в первые годы замужества, был кто-то, кто сказал бы: «Сонечка, с тобой все в порядке, это естественная реакция психики», – то в будущем у семьи было бы намного меньше проблем. Но никто так не сказал, поэтому Сонечка думала о себе, что она дурная, внутри нее копился, как сегодня бы сказал любой квалифицированный психолог, «хронический стресс», который со временем стал причиной многих неврозов.

П.Б./ Пожалуй, я с вами соглашусь, хотя, как большинство мужчин, не выношу женских истерик. Мы иногда преувеличиваем какие-то вещи. Например, знаменитый «арзамасский ужас» Льва Толстого. Закончив «Войну и мир», он в 1869 году поехал в Пензенскую губернию с надеждой прикупить недорогое имение. В гостинице в Арзамасе ночью его настиг необъяснимый ужас. Самое страшное в нем было то, что этот ужас не был ничем мотивирован. Все вроде бы было хорошо: закончил огромный роман, собирается имение новое купить. И вдруг страшно! Господи, каких только умных концепций этого «арзамасского ужаса» не создали впоследствии! А я вам скажу: это была типичная «паническая

атака», связанная с переутомлением, с отъездом из дома, где он сидел почти безвыездно, да мало ли еще с чем. Признаюсь, со мной тоже был такой «ужас», только не в Арзамасе. И что? Уверен, что у многих бывали подобные «ужасы». Полно людей, которые сидят на антидепрессантах и транквилизаторах. Но в XIX веке их не было.

Так же и с истериками Софьи Андреевны. У Толстого, кстати, тоже они бывали. Люди XIX века вообще были более эмоциональны, чем люди XX и уж тем более XXI века. Например, мужчины не стыдились при встрече бросаться друг другу на грудь и рыдать, натурально рыдать! Толстой с детства и до старости был «плаксой», боевой офицер, прошедший две войны!

Скажу просто: в то время не было психотерапевтов. Это сейчас ходить к психотерапевту не более странно, чем посещать стоматолога. А в XIX веке – какие психотерапевты? Психиатров-то не было. Во Франции были, а в России в середине XIX века – еще нет. Я этот вопрос внимательно изучил, когда писал книгу о Елизавете Дьяконовой. Вот у нее были реальные проблемы с психикой, но никто в России тогда не мог ей помочь.

А история с сыном Толстого Львом Львовичем? Его настигла многолетняя депрессия, он похудел до 37 килограммов и напоминал «мешок с костями». И никто в России не мог его вылечить. Русские врачи прямо сказали Софье Андреевне: он умрет, будьте к этому готовы. Но... вылечил

шведский врач Вестерлунд, на дочери которого Лев и женился. Сегодня в Швеции проживает более 150 прямых потомков Льва Львовича и его жены Доры.

Но любопытно, как реагирует мать на истерику Сони по поводу «Казаков». Строго! «Твое какое дело?» То есть для нее главное, что дочь повела себя на людях неприлично, разрыдалась, убежала. Так нельзя! А представим себе: пошла бы она делиться своими проблемами, связанными с тем, что мы с вами деликатно называем «инициацией», со священником. Знаете, что бы ей сказал простой батюшка? «Не твоего ума дело! Выйдешь замуж, муж тебе все объяснит. Будешь слушаться мужа, в рай попадешь. Не будешь, попадешь в ад!» Вот и вся была бы «психотерапия».

К.Б./ Да! Это была большая проблема того времени – что со своими «проблемами» и пойти-то некуда. Зато какое мемуарное и дневниковое наследие мы теперь имеем! Клад для современных специалистов и простых читателей.

Жениться! Жениться?

П.Б./ О будущей невесте поговорили, давайте вернемся к жениху. Соня очень многого о нем не знала...

Толстой до решения жениться на Соне был чрезвычайно разборчивый жених. И это был единственный из братьев Толстых, кто с пятнадцати (!) лет мечтал о женитьбе. Интересно – да? Соня в 15 лет впадает в истерику, узнав, что будет

с ней после венца, а Лёвочка в 15 лет уже мечтает о женитьбе. Старший брат Николай – закоренелый холостяк. Второй по старшинству – Сергей – живет гражданским браком с цыганкой Марией Шишкиной. Дмитрий – в некотором смысле почти юродивый, живет в Орле с выкупленной проституткой (прототип брата Константина Лёвина в «Анне Карениной» – Николай Лёвин). У сестры Маши – семейная драма. Ушла от мужа, Валериана Толстого, с четырьмя детьми из-за того, что он был страшный развратник. «Я не желаю быть старшей женой в вашем гареме!» В результате за границей влюбилась в больного иностранца Виктора де Клена, уехала с ним в Алжир, родила внебрачную дочь Елену, вернулась в Россию и вынуждена была делать вид, что это не ее дочь, потому что по понятиям того времени это было нравственным преступлением. Крестили Елену братья, Сергей Николаевич дал ей свое имя в качестве отчества – Елена Сергеевна. Потом она вышла замуж за юриста Ивана Денисенко, жила в Новочеркасске и с матерью практически не общалась, была в обиде на нее. А Мария Николаевна ушла в Оптину пустынь, стала духовной дочерью старца Амвросия, потом его ученика Иосифа и закончила дни в Шамординском женском монастыре схимонахиней.

Вот такие «семейные» истории были у братьев и сестры Толстого. Поэтому все надежды возлагались на Лёвочку. И это важный момент! В сущности, в его лице оставался единственный шанс на законное продолжение рода Толстых по

линии этой семьи. (Были ведь и другие Толстые, в том числе и знаменитые – поэт Алексей Константинович Толстой, потом появится Алексей Николаевич Толстой, советский писатель.)

Особенно на этот счет хлопотала сестра Маша. Когда Толстой был за границей, она пыталась сосватать ему племянницу вице-президента Академии наук княжну Екатерину Дондукову-Корсакову. Она писала ему: «Хоть бы кто-нибудь из нашего семейства был счастлив (в семейной жизни. – *П. Б.*)!» Но... неудачно!

До этого у Толстого были как минимум две перспективные невесты. Первая – Валерия Арсеньева, соседка по имени, несовершеннолетняя, сирота, которой он был опекуном. Это был затяжной «роман», отраженный в повести «Семейное счастье», в дневнике и письмах Толстого к Валерии. Свои письма она попросила его вернуть перед замужеством и уничтожила их. Письма Толстого сохранились. Читая их, хватаешься за голову! Он предложил ей эпистолярно «поиграть» в мужа и жену. Как ребенок, ей-богу, но очень жестокий ребенок! Он придумал два вымышленных персонажа – Храповицкий и Дембицкая, – которые стали мужем и женой, и вот они с Валерией должны «моделировать» их семейные отношения. Что могла подумать честная девушка? Ну, понятно, что она ждала от него предложения руки и сердца. Вместо этого после долгой переписки он отправил ей вежливое, даже будто бы покаянное, а на самом деле холодное

письмо, где объявил, что они расстанутся навсегда, и пожелал ей счастья в будущей семейной жизни. А сам уехал за границу.

Потом была дочь его любимого поэта Федора Ивановича Тютчева – Екатерина Тютчева. И опять какой-то мучительный сюжет. Он часто бывает у Тютчевых, общается с Катенькой, а потом пишет в дневнике: «страстно желаю ее любви, а жалости к ней нет»; «плоха»; «холодная, мелка, аристократична»; «ни то, ни се»; «даже противно» и т. п. О Валерии в самый разгар их «романа» он писал так «В. мне противна». В итоге бежал и от Кати Тютчевой. Она потом так и не вышла замуж. Была фрейлиной, писательницей, благотворительницей, но семейного счастья Бог ей не дал...

В книге «Бегство из рая» я называю это «синдромом Подколесина». Как и герой гоголевской «Женитьбы», Толстой вроде хочет жениться, но боится потерять свою независимость, свою, как сегодня бы сказали, «зону комфорта». Поэтому на всякий случай «окошко» оставляет открытым, чтобы вовремя сбежать.

При этом он страстно влюбляется в замужнюю крестьянку Аксинью, настолько, что это чувство терзает его всю жизнь. Через тридцать (!) лет, в 1889 году, он напишет об этом повесть «Дьявол» и спрячет рукопись в обшивке кресла на двадцать (!) лет, чтобы жена не прочитала. (Она все-таки прочитает и устроит грандиозный скандал.) Внебрачный сын Толстого и Аксиньи – Тимофей – родится за два месяца до вен-

чания Льва Николаевича и Сонечки.

Да что там говорить! У него были мысли и тетушке своей Александре Андреевне Толстой сделать предложение, хотя она была старше его на одиннадцать лет.

Были и другие возможные невесты. Факт тот, что не женился. Я долго размышлял: почему так вышло? И пришел к выводу, что тут дело не только и, может быть, не столько в «синдроме Подколесина». Он слишком ответственно подходил к этому вопросу. Именно потому, что понимал: он – единственный, кто может законно продолжить род своей семьи. Недаром одна из ранних его вещей называется «Семейное счастье». Он страстно хотел счастливой семейной жизни. Может быть, даже больше, чем стать знаменитым писателем.

К.Б./ Как бы Лев Николаевич ни открещивался в поздний период от «Войны и мира», «Анны Карениной» – он был великим художником! Он творил миры, в которых дышала, играла, страдала жизнь. Художнику такой величины было страшно стать жертвой неверного выбора. Его внутреннее «я» требовало совершенства самого большого для него произведения – его собственной судьбы. Желание совершенства в идеальной семье родилось из его сиротского детства. Из ощущения мелькнувшей материнской нежности – и вдруг угасшей. Из ощущения большого и решающего все отца – вдруг потерянного. Конечно, непривычно спуститься с созерцания Толстого как могучего старца и эпохальной фигу-

ры и увидеть маленького мальчика, который впитывал жизнь как губка, у которого как на сознательном, так и на бессознательном уровне записывалось огромное количество деталей, и все окрашенные в яркие цвета. Со временем память мучила его этими воспоминаниями. Он же не создавал другой рай в своих фантазиях, он пытался реконструировать свой собственный потерянный рай.

Вы сами понимаете, что то, чего хотел Лев Николаевич, было изначально невыполнимо? Он хотел сотворить свою жизнь силой своего великого таланта. И его расстраивало, что расходный материал, не слова и выдуманные персонажи, а живые люди слишком строптивы и никак не встают «детальками» в его проект. Девушки все не стоят в одной позе, а вертятся.

Вот Арсеньева. Так вроде замирает – и хороша, и подходит. А как двинулась, так – противна! Досада берет. Помните письмо, которое он ей написал в ответ на ее рассказ о пышной церемонии коронации Александра II?

Для чего вы писали это? Меня, вы знали, как это продерет против шерсти. Для тетенки (Т. А. Ёргольской. – К. Б.)? Поверьте, что самый дурной способ дать почувствовать другому: «вот я какова», это прийти и сказать ему: «вот я какова!»... Вы должны были быть ужасны, в смородине de tout beaut¹ и, поверьте, в миллион раз лучше в дорожном платье.

¹ Очень красивый, совершенный (фр.).

Любить haute volée², а не человека нечестно, потом опасно, потому что из нее чаще встречаются дряни, чем из всякой другой volée, а потому ваши отношения, основанные на хорошеньком личике и смородине, не совсем-то должны быть приятны и достойны... Насчет флигель-адъютантов – их человек 40, кажется, а я знаю положительно, что только два не негодяи и дураки, стало быть, радости тоже нет. Как я рад, что измяли вашу смородину на параде, и как глуп этот незнакомый барон, спасший вас! Я бы на его месте с наслаждением превратился бы в толпу и размазал бы вашу смородину по белому платью... Поэтому, хотя мне и очень хотелось приехать в Москву, позлиться, глядя на вас, я не приеду, а, пожелав вам всевозможных тицеславных радостей, с обыкновенным их горьким окончанием, остаюсь ваш покорнейший, неприятнейший слуга Гр. Л. Толстой.

Сколько в этом письме ярости и злобы! Не на нее он злится, он злится, что своим письмом она испортила его представление о женском идеале. Он как бы в ее лице на всех женщин обрушивается: «Ну что ж вы такие дуры, не понимаете, какой надо быть?!» Простите, но откуда? И почему женщина должна соответствовать чьему-то идеалу? Это, кстати, и Софью Андреевну на какое-то время потом «парализовало». Она долгий период пыталась стать идеалом для Льва Николаевича. Потом достаточно агрессивно выходила из этого со-

² Высокое положение (фр.).

стояния.

То же самое было со всеми остальными «невестами». Поначалу кого-то он пытался «воспитывать», то есть выправлять в них что-то. Потом осознавал, что все равно «выпирает», а со стороны это уже выглядело как конкретные ухаживания. Но не мог же он пойти против себя и предать такую сильную мечту? Поэтому девушки просто отправлялись «в отставку».

В современном мире эти его «бывшие» просто пожали бы плечами, поплакали и пошли бы дальше, к более простым и непривередливым женихам. Обидно, конечно, но, может, и к лучшему. А тогда все-таки порядки были другие, весь «свет» следил за ухаживаниями молодых людей за барышнями, ставки делались, партии заключались. Хотя уже «по любви» и чаще, чем по расчету, но все равно, каждую девушку судили по «репутации», и если кто-то из кавалеров «походил около, да в дом не зашел», девушка теряла часть своей ценности. И граф, таким образом, нанес ущерб ни в чем не повинным созданиям.

П.Б./ Я соглашусь с вами в том, что Толстой искал себе идеальную жену (кто из мужчин об этом не мечтает?), а женщина не обязана быть идеалом. Но это понимание к нашему брату приходит с жизненным опытом. Или не приходит – отсюда разводы.

Но вы совершаете характерную ошибку, в которую впадают не только обычные люди, которые интересуются этой

семейной историей, но и профессиональные филологи. Вы пытаетесь объяснить поведение Толстого тем, что он был прежде всего великий писатель, создававший свои художественные миры и потому не способный разделять жизнь и литературу. Извините, но это все сводится к обывательской фразе: «Что делать? Он же был гений! Художник! Как трудно с ним было обычной женщине!»

Гений-то гений, но не только в литературе. Толстой был величайший психолог. Он видел людей насквозь, как рентген! У меня иногда бегут мурашки по коже, когда я читаю дневники Толстого. Вот его сын Илья вроде бы счастлив. Прекрасная жена, тоже Соня, много детей, свое имение. А Толстой пишет в дневнике, что Илья будет несчастен. И сравнивает себя с пауком, который прячется под лист до того, как пойдет дождь.

Толстой очень хорошо мог разделять литературу и жизнь. Арсеньеву с Тютчевой он «просчитал» сразу, что это – не то! Не «тянут» они на него! «Раздавит» он их! Но, как человек постоянно сомневающийся, он впутывается в какие-то с ними отношения, на что-то надеется... И наконец окончательно понимает: не то, не «потянут»!

В этом вся проблема.

К.Б./ Мне бы хотелось вам поверить, что Толстой прекрасно разграничивал вымысел и реальность, но вы упускаете тот момент, что человек, хорошо анализирующий поведение и характер других людей, легко считывающий какие-то

только наметки их личности, может не удержать «собственного веса». Со стороны всегда виднее. Труднее – посмотреть на себя. Здесь мы с вами останемся каждый при своем, пожалуй.

Между Лизой и Соней

П.Б./ Хорошо, забыли о прежних «невестах» Толстого. Итак, Берсы. Однажды Толстой говорит своей сестре: «Машенька, семья Берс мне симпатична, если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье». То есть ему, в сущности, не столь важно, на какой именно сестре Берс он женится, а важно, что это – семья Берс! «Модель» этой семьи его полностью устраивает.

Эти слова подслушала гувернантка детей его сестры Марии Николаевны и передала своей сестре, гувернантке детей Берс. Она сообщила эту информацию всей семье. И началось то, что началось...

Для семьи Берс Толстой был очень завидный жених. Боевой офицер, имеет награды. Помещик, которому принадлежит уже не только Ясная Поляна, но и большое имение скончавшегося брата Николая Никольское-Вяземское, родовое имение их отца. Знаменитый писатель, автор «Детства», «Отрочества», «Юности» и «Севастопольских рассказов». Родовитый граф. Не слишком богат, но и не беден.

На выданье – две сестры: Лиза и Соня. Но, по обычаям

того времени, первой выйти замуж должна старшая сестра. К тому же Лиза по всем статьям вроде бы подходит графу. Умница, много читает, уже сотрудничает с Толстым в его журнале «Ясная Поляна». Красивая. Что еще нужно? Но Толстой с Лизой ведет себя абсолютно таким же образом, как и с Арсеньевой, и с Тютчевой. То есть весьма жестоко. Надежду девушке дает, а в дневнике пишет: «Лиза Берс искушает меня, но это не будет». Или так: «Боже мой! Как бы она была красиво несчастлива, ежели бы была моей женой».

Объясните мне, Катя, как можно быть «красиво несчастливой»? Как Анна Каренина или как Долли Облонская? Мы ведь помним, что «все несчастливые семьи несчастливы по-своему».

К.Б./ Странно, Павел, что вы задаете этот вопрос. Было бы логичнее мне спросить у вас, исследователя личности Толстого, что же это за код такой? Может, у него в дневниках есть градации несчастья, какие-то «эскизы» к «Анне Карениной»? С моей стороны эта фраза читается как взгляд художника на модель. «Спроектировал будущее: сидит у окна, в чепце, холодна и спокойна, отрывает взгляд от моей рукописи, смотрит на меня. Ни тени истерики, рука плавно опускает перо, на ее лице мучительная улыбка, за которой кроется ощущение глубокого несчастья, но нет – не выдаст его». В моих глазах так выглядит «красиво несчастлива». Несчастлива, но глубоко, не разрушая внешнего благополучия и как бы подчеркивая трагичность внутреннего внешним спокой-

ствием. Но у меня с моим образом возникает диссонанс. Та-
кой я Лизу представить не могу. А вы?

П.Б./ Не знаю. Но хочется воскликнуть: «Бедная Лиза!
Она убедила себя в том, что любит графа».

Лиза сначала равнодушно относилась к сплетням (о том, что Толстой собирается сделать ей предложение. – П. Б.), но понемногу и в ней заговорило не то женское самолюбие, не то как будто и сердце, в ней пробудилось что-то новое, неизведанное. Она стала оживленнее, добрее, обращала на свой туалет больше внимания, чем прежде. Она подолгу просиживала у зеркала, как бы спрашивала его: «Какая я? Какое произвожу впечатление?» Она меняла прическу, ее серьезные глаза иногда мечтательно глядели вдаль...

Казалось, что ее разбудили от продолжительного сна, что ей внушили, навяли эту любовь и что она любила не самого Льва Николаевича, а любила свою 18-летнюю любовь к нему.

Соня заметила в ней эту перемену и подсмеивалась. Писала на нее шуточные стихи и говорила:

– А Лиза наша пустилась в нежности. А уж как ей не к лицу.

И я приставала к Лизе:

– Лиза, скажи, и ты влюблена? Зачем ты вперед косу положила, прическу переменяла? А я знаю, для кого, только не скажу.

Лиза добродушно смеялась, обращая в шутку мои слова.

– *Таня, а идет мне эта прическа с косой? – спросит она меня.*

– *Да, ничего, – скажу я, принимая почему-то снисходительный тон.*

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

В конце концов Толстой от Лизы «сбежал», как от Арсеньевой, только не за границу, а в Башкирию. Повод был. Два старших брата, Николай и Дмитрий, умерли от чахотки, причем с Николаем в его последние дни он жил в одном номере гостиницы. Толстой подозревал, что сам болен чахоткой (он покашливал). И хотя обследовавший его Андрей Евстафьевич Берс сказал, что чахотки у него нет, Толстой отправился в Башкирию, в степь, «на кумыс», – тогда это считалось средством от чахотки. Но по его дневнику понятно, что другой не менее важной причиной были ложные отношения с Лизой.

И скажу вам откровенно, Толстой в этой ситуации мне крайне неприятен, а Лизу жалко. Он пробудил в ней чувства, дал ей надежду, *заранее* зная, что «это не будет». То есть не женится...

Однажды Толстой привез к Берсам яснополянских крестьянских детей. Лиза их демонстративно не замечала, а Соня с ними играла и была очень ласкова.

Как вы говорили, «комбо»? Два фактора в одном? Вот и Соня оказалась таким «комбо». Вы сами напомнили, что Толстой вырос сиротой. Да, он потерял мать, когда ему не

было и двух лет, он ее совсем не помнил. Отец скоропостижно скончался от удара, когда Лёвочке было 8 лет. Для сироты, который ищет себе жену, болезненным моментом является то, как его будущая невеста относится к детям.

Это один момент в пользу Сони.

Второй. Зачем он привез к Берсам крестьянских детишек? Не исключаю, что это был такой тест для двух сестер: как они воспринимают крестьян? Смогут ли наладить с ними отношения? Или будет барыня, которая станет морщить нос от крестьянского запаха. Соня этот тест прошла, Лиза – нет.

Но, согласитесь, вел он себя жестоко. А как женщины воспринимают такой мужской тип?

К.Б./ Ответить вам за всех женщин я не берусь. Но отмечу то, что бросилось мне в глаза в этом «типаже». Во-первых, как отмечала Т. А. Кузминская, Лев Николаевич был как бы везде, со всеми и всеми интересовался. Во-вторых, был участлив, хотел помочь тем, кто ущемлен в чем-то, любил детей. В-третьих, его не надо было специально развлекать, он сам себя развлекал и никогда не скучал. Был наблюдателен, оценивал и давал обратную связь. Например, когда взял девочек с собой в какую-то крестьянскую избу недалеко от Покровского и крестьянка показывала больного экземой малыша, а девочки ей давали советы, – он сообщил матери, какие у нее хорошие девочки. Или когда Соня не дала себя перенести на закорках через ручей Нилу Попову – и Лев Николаевич ее похвалил за это. Такой Большой Брат, к мнению

которого хочется прислушаться и одобрение которого хочется заслужить. Каким образом в этом мужчине можно заподозрить жестокость? Девушки велись на его «проверки», не задумываясь, что решается их судьба.

П.Б./ Одним словом, Лиза тоже «не тянет». Не выдержит она жизни с ним. Несчастлива будет, красиво или некрасиво, уже не суть важно. Просто будет несчастлива. Он, соответственно, тоже.

Но кто же тогда остается, если он решил жениться непременно на ком-то из сестер Берс? Только Соня. Тане еще нет шестнадцати. Она его «соблазняет» (не специально, а может и специально, не знаю), она, будем откровенны, даже в детском возрасте была очень сексапильна, но он не этого прежде всего ищет.

Соня! Все сходится к ней!

Но тут у меня возникает вопрос. Если он, как глубокий психолог, сразу разгадал трех сестер, то его женитьба на Соне должна была стать результатом не душевного порыва, а веления рассудка. Столько перебрал «невест», всех «просчитал», от всех отказался, в том числе и от Лизы. Но тогда почему у него *внезапно* вспыхивает невероятная любовь к Соне? Ведь о любви к ней, причем какой-то сумасшедшей, на грани суицида, он начинает писать в дневнике, когда возвращается из Башкирии, и семья Берс по дороге к дедушке Исленьеву в село Ивицы заезжает в Ясную Поляну. И там происходит сцена, после которой можно сказать: «Участь его решена!»

Когда стало смеркаться, мать послала меня вниз разложить вещи и приготовить постели. Мы стелили всё с Дуняшей, горничной тетеньки (Т. А. Ёргольской. – П. Б.), как вдруг вошел Лев Николаевич, и Дуняша обратилась к нему, говоря, что троим на диванах постелили, а вот четвертой – места нет. «А на кресле можно», – сказал Лев Николаевич и, выдвинув длинное кресло, приставил к нему табуретку. «Я буду спать на кресле», – сказала я. «А я вам сам постелю постель», – сказал Лев Николаевич и неловкими движениями стал развертывать простыню. Мне стало и совестно, и было что-то приятное, интимное в этом совместном приготовлении ночлегов. Когда все было готово и мы пошли наверх, сестра Таня, усталая, свернувшись, спала на диванчике в угловой комнате тетеньки, мама беседовала с тетенькой и Марией Николаевной, а Лиза недружелюбно встретила нас глазами.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Ух как мне нравится это место в мемуарах Софьи Андреевны! Все-таки она была незаурядной писательницей!

Всё – Лизы нет! Она потеряла жениха. Его отбила средняя сестра. С одной стороны, очевидно, что так, и вскоре Лиза пожалуется Тане: «Соня перебивает у меня Льва Николаевича. Разве ты этого не видишь?» Но с другой стороны, – кто кого соблазняет? Ведь Толстой ведет себя как опытейший ловелас! Но мы точно знаем, что он не был ловеласом. У него были женщины, но все «купленные», в том числе, ска-

жем прямо, и Аксинья. С другими женщинами Толстой был неловок, неконтактен. Откуда в нем это взялось?

Потом эта сцена в Ивицах, куда он приехал вслед за ними, и явно не к Лизе. Сцена, которая стала одним из самых «хитовых» мест в романе «Анна Каренина», где Лёвин на ломберном столике мелком начальными буквами объясняется Кити в любви.

«В. м. и. п. с. ж. н. м. м. с. и. н. с.», – написал Лев Николаевич.

– Ваша молодость и потребность счастья, – прочла я.

Сердце мое стучало так сильно, в висках что-то забилося, лицо горело, – я была вне времени, вне сознания всего земного, и я все могла, все понимала, обнимала все необъятное в эту минуту.

– Ну еще, – сказал Лев Николаевич.

«В. в. с. с. л. в. н. м. и. в. с. Л. З. м. в. с. Т.»

– В вашей семье существует ложный взгляд на меня и вашу сестру Лизу. Защитите меня вы с Таничкой, – быстро и без запинки читала я по начальным буквам.
(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Какая яркая сцена!

Но, возвращаясь к вашим словам о «змеином» языке, который знали Соня и Толстой, как Гарри Поттер, я все-таки немножко развею этот миф. В комнате тогда находилась сама Танечка, пряталась под фортепьяно. И она потом писала, что граф подсказывал Соне отдельные слова. Думаю, это было

так: он говорил одно слово, она добавляла второе и т. д. Будем честны, Катя, – невозможно прочесть такие две сложные фразы по начальным буквам. Это все равно, что читать мысли на расстоянии, а я в это не верю.

Но и это не суть важно. Важно, что в этой сцене был такой «интим»! Но опять у меня возникает вопрос: кто кого соблазнял?

К.Б./ Я отвечу сначала о «не-ловеласности» Толстого: «Откуда что взялось?» От природы. Это же в нас на уровне инстинкта. Интуиции. Ну почему обязательно кто-то должен кого-то соблазнять? Два человека, чувствующие симпатию друг к другу, ищут моменты близости. Мы ведь с вами уже проследили «закулисное» начало этой любви. Сонечка к тому времени уже чувствует, что влюблена в графа, но мучается моральными вопросами: «А как же Поливанов? А как же Лиза?» Она мучается этим, и ее повесть «Наташа» – тому свидетельство. А Лев Николаевич понимает, что хочет жениться у Берсов, но не хочет на Лизе, а Соня – что-то невообразимое! Сцена в Ясной Поляне и Ивицах – кульминация обретения обоюдного чувства. Они просто искали уединения и внимания друг друга.

Вы так не думаете?

«Наташа»

П.Б./ Я думаю о другом. Зачем она дала Толстому прочи-

тать повесть «Наташа», о которой вы упомянули? Вы говорите: она уже влюблена в него. Согласен. Но он-то? Имейте в виду, Толстой не только имел дело с продажными женщинами и крестьянкой Аксиньей. Были у него и нежные влюбленности. В детстве – в Сонечку Колошину. В Любочку Иславину. Когда они с братом Николенькой ехали на Кавказ (вернее, плыли на лодке) и остановились в Казани, у молодого Толстого была короткая вспышка влюбленности в Зинаиду Молоствову, подругу его сестры Маши.

Соня об этом, положим, не знала, ведь она еще не читала его раннего дневника. Но! Вот девушка влюблена в мужчину. Писателя! И дает ему прочитать свою повесть, где он изображен в образе Дублицкого, причем довольно негативно. Повесть она потом уничтожила, но о ее содержании мы знаем из воспоминаний Кузминской.

В повести два героя: Дублицкий и Смирнов. Дублицкий – средних лет, непривлекательной наружности, энергичен, умен, с переменчивыми взглядами на жизнь. Смирнов – молодой, лет 23, с высокими идеалами, положительного, спокойного характера, доверчивый и делающий карьеру.

Героиня повести – Елена, молодая девушка, красивая, с большими черными глазами. У нее старшая сестра Зинаида, несимпатичная, холодная блондинка, и меньшая – 15 лет Наташа, тоненькая и резвая девочка.

Дублицкий ездил в дом без всяких мыслей о любви.

Смирнов влюблен в Елену, и она увлечена им. Он

делает ей предложение; она колеблется дать согласие; родители против этого брака, по молодости его лет. Смирнов уезжает по службе. Описание его сердечных мук. Тут много вводных лиц. Описание увлечения Зинаиды Дублицким, разные проказы Наташи, любовь ее к кузену и т. д.

Дублицкий продолжает посещать семью Елены. Она в недоумении и не может разобраться в своем чувстве, не хочет признаться себе самой, что начинает любить его. Ее мучает мысль о сестре и о Смирнове. Она борется со своим чувством, но борьба ей не по силам. Дублицкий как бы увлекается ею, а не сестрой, и тем, конечно, привлекает ее еще больше.

Она сознает, что его переменчивые взгляды на жизнь утомляют ее. Его наблюдательный ум стесняет ее. Она мысленно часто сравнивает его с Смирновым и говорит себе: «Смирнов просто, чистосердечно любит меня, ничего не требуя от меня».

Приезжает Смирнов. При виде его душевных страданий и вместе с тем чувствуя увлечение к Дублицкому, она задумывает идти в монастырь.

Тут подробностей я не помню, но кончается повесть тем, что Елена как будто устраивает брак Зинаиды с Дублицким и много позднее уже выходит замуж за Смирнова.

(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Смирнов – это кадет Поливанов, с которым Соня тайно помолвлена. Зинаида – это Лиза. Наташа – это Таня. Елена

– Соня.

И здесь у меня возникает «когнитивный диссонанс». За-чем, будучи влюбленной в Толстого, она дает ему читать повесть, где его как бы «казнит»? Ведь это пощечина! И это не только не логично, но и очень опасно. Она дает это читать уже признанному писателю, который является ее кумиром. Она что, была настолько уверена в художественных достоинствах этой повести? Почему тогда уничтожила? Второй вопрос: она не думала, что, прочитав такое, Толстой отвернется от нее и сделает предложение Лизе, как это и следует из повести?

У меня есть два взаимоисключающих предположения.

Или Соня была действительно до такой степени наивной девушкой, что сделала это без всякой задней мысли, просто – потому что попросил дать прочитать (но как-то же он узнал про повесть, она ведь ее не скрывала).

Или в ней до такой степени была развита женская интуиция, что она «просчитала» реакцию Толстого.

А реакция его была такой. Именно после прочтения «Наташи» он в дневнике признается, что «влюблен, как не верил, что можно любить». Именно этой повестью она разбудила в нем а) ревность и б) страстную любовь.

К.Б./ Павел! Сонечке в тот период 17 лет. Бывают, конечно, женщины, с юности патологически расположенные к коварству, но, если бы Соня Берс была бы такой, мы бы с вами уже давно это увидели. Но вы сами посвятили львиную

долю нашей беседы описанию «милой девочки», в которой рано проснулось материнство. Не делайте из кошки тигрицу. Почему Соня решилась дать повесть графу? Об этом есть в воспоминаниях Кузминской. Танечка сетует, что Соня рассказала Льву Николаевичу о ее ссоре с Сашей Кузминским, говоря, что граф будет ее осуждать...

– Нет, – спокойно заметила Соня. – Ему все можно сказать, он все поймет. Он сказал, что Кузминский славный и серьезный мальчик. А потом я сказала ему, что писала в это время повесть, но еще не окончила ее. Он очень удивился и заинтересовался ею. И все говорил: «Повесть? Как же это вам в голову пришло, и какой сюжет вы избрали?»

– Описываю приблизительно нашу жизнь, – сказала я.

– Кому же вы даете читать ее?

– Я читаю ее вслух Тане.

– А мне дадите?

– Нет, не могу, – отвечала я.

Он спрашивал, «отчего?». Но я не сказала ему, что описываю и его, и оттого не даю. Он очень просил меня, но я стояла на своем.

Тут подошла к нам Лиза, и мы прервали разговор.
(Т. А. Кузминская. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»)

Вы по-прежнему уверены, что она пыталась провоцировать Льва Николаевича своей повестью?

Я думаю, дело было так. В Соне от рождения было зало-

жено большое творческое начало. Она любила поэзию, литературу, любила сочинительство. Играя с младшими детьми, она наверняка выдумывала разные истории и сочиняла сказки. Она вела девичий дневник, в котором отчасти «развивала» свое литературное дарование. Она цитировала наиболее понравившиеся ей отрывки из чужих произведений и выучивала их наизусть (вспомним ее увлечение «Детством» Толстого). То есть литература составляла значительную часть ее жизни с детства. И когда в ней накопилось большое количество неразрешимых вопросов, она прибегла к классическому способу самопсихотерапии – арт-терапии. Собственно, все подростковое творчество – это арт-терапия. Способ выпустить наружу мучающие тебя вопросы, художественно их обработав и надев на себя «маску». Вот Сонечка и «выпускает» на бумагу все, что накопилось, – пишет повесть. В ней любовь к сестре Тане, противоречивые чувства по отношению к Поливанову, к Лизе и к графу. Но главное в ней – тупиковая ситуация в отношениях между Лизой и графом, ее привязанность к графу и чувство долга, жалость к Поливанову. В ее девичьей головке это все представляло собой шар с газом, который движется в хаотическом порядке. Долго находиться в таком состоянии опасно – чуть поднесешь спичку и рванет. Нельзя, чтобы рвануло – вспомним, как реагирует мамá на истерику: «Это неприлично!» Тогда Соня расписала существующую ситуацию на бумаге и попыталась найти выход из нее. Вспомним, как она благоразумно все разрешила.

Но это повесть, в ней ты можешь поступить по велению рас-судка. Самое сильное переживание Елены оказалось не так просто разрешить: «Она в недоумении и не может разобрать-ся в своем чувстве, не хочет признаться себе самой, что на-чинает любить его. Ее мучает мысль о сестре и о Смирнове. Она борется со своим чувством, но борьба ей не по силам». Борьба ей не по силам! Соня при всей своей рациональности была импульсивным человеком, именно по желанию сердца она сделала свой выбор в жизни.

Почему она рассказала Льву Николаевичу о повести и в итоге дала ее почитать? Потому что он литератор, ей все-таки хотелось перед ним... я бы назвала это «попавлиниться» (распустить свой хвостик), показать, что она тоже заня-лась литературой. Ей было приятно получить от него одоб-рение. Но сначала она испугалась, так как повесть-то интим-ная, там все читается прозрачно. Описывая графа, я думаю, она была честна в своих оценках. Вы знаете, что взгляд на предмет «влюбленными глазами» и рациональный взгляд – это разные вещи? Вот тогда она еще смотрела на него недо-статочно «влюбленными глазами».

И, может быть, именно это – что героиня так разумно все устроила и жертвенно отказалась от своей любви к Дуб-лицкому, повернуло сердце Толстого к Соне. Или вы будете убеждать меня, что соперничество не добавляет адреналин в кровь мужчины? А еще – эта ее прямота в описании его. Он пишет в дневнике по поводу повести: «Что за энергия

правды и простоты!»

Вот такое сложное объяснение.

Не про тебя, старый черт!

П.Б./ Но давайте перечитаем дневник Толстого августа – сентября 1862 года.

23 августа. [Москва.] Не ел два дня, мучился зубами, ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая... Я боюсь себя, что ежеси и это – желанье любви, а не любовь. Я стараюсь смотреть только на ее слабые стороны, и все-таки оно. Ребенок! Похоже.

24 августа. О Соне меньше думаю, но когда думаю, то хорошо.

26 августа. Пошел к Берсам пешком, покойно, уютно. Девичий хохот. Соня нехороша, вульгарна была, но занимает. Дала прочесть повесть. Что за энергия правды и простоты! Ее мучает неясность. Все я читал без замиранья, без признака ревности или зависти, но «необычайно непривлекательной наружности» и «переменчивость суждений» задело славно. Я успокоился. Все это не про меня. Труд и только удовлетворение потребности.

28 августа. Мне 34 года. Встал с привычкой грусти. Поработал, написал напрасно буквами Соне... Приятный вечер у Тютчевых. Сладкая успокоительная ночь. Скверная рожка, не думай о браке, твое призванье другое, и дано зато много.

29 августа. Пошел к Берсу, с ним в Покровское. Ничего, ничего, молчание... Не любовь, как прежде,

не ревность, не сожаление даже, а похожее, а что-то сладкое – немножко надежда (которой не должно быть). Свинья. Немножко, как сожаленье и грусть. Но чудная ночь и хорошее, сладкое чувство... Грустно, но хорошо. Машенька говорит: ты все ждешь. Как не ждать.

30 августа. Дома обедал, заснул и потом к Берс. Соню к П<оливанову> не ревную; мне не верится, что не я. Как будто пора, а ночь. Она говорит тоже: грустно и спокойно. Гуляли, беседка, дома за ужином – глаза, а ночь!.. Дурак, не про тебя писано, а все-таки влюблен... Ночевал у них, не спалось, и все она. «Вы не любили», – она говорит, и мне так смешно и радостно.

31 августа. И утром то же сладкое чувство и полнота любовной жизни... К Тютчевым, закорузлые синие чулки. Как мне на них гадко. Кто-то заговорил, и мне показался ее голос. Крепко сидит... Не про тебя, старый черт!

7 сентября. Нынче один дома и как-то просторно обдумывается собственное положение. Надо ждать. Дублицкий, не суйся там, где молодость, поэзия, красота, любовь – там, брат, кадеты.

8 сентября. Пошел-таки к Берсам к обеду. Андрей Евстафьевич в своей комнате, как будто я что украл. Танечка серьезно строга. Соня отворила, как будто похудела. Ничего нет в ней для меня того, что всегда было и есть в других, – условно поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет.

9 сентября. Она краснеет и волнуется. О Дублицкий,

не мечтай. Начал работать и не могу. Вместо работы написал ей письмо, которое не пошло. Уехать из Москвы не могу, не могу. Пишу без задней мысли для себя и никаких планов стараюсь не делать. Мне кажется, что я в Москве уже год.

До 3-х часов не спал. Как 16-летний мальчик мечтал и мучился.

10 сентября. На Кузнецкий мост и в Кремль. Ее не было. Она у молодых Горскиных. Приехала строгая, серьезная. И я ушел опять обезнадеженный и влюбленный больше, чем прежде... Надо, необходимо надо разрубить этот узел. Лизу я начинаю ненавидеть вместе с жалостью. Господи! помоги мне, научи меня. Опять бессонная и мучительная ночь, я чувствую, я, который смеюсь над страданиями влюбленных. Чему посмеешься, тому и послужишь. Сколько планов я делал сказать ей, Танечке, и все напрасно. Я начинаю всей душой ненавидеть Лизу. Господи, помоги мне, научи меня. Мать божия, помоги мне.

11 сентября. С утра писал хорошо. Чувство так же сильно. Целый день, как и вчера. Не смел идти к ним... Устал. Какое-то физическое волнение.

12 сентября. Целый день шлялся и на гимнастике. Обедал в клубе. Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится. Был у них вечер. Она прелестна во всех отношениях. А я отвратительный Дублицкий. Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться. Дублицкий, пускай, но я

прекрасен любовью. Да. Завтра пойду к ним утром. Были минуты, но я не пользовался ими.

Я робел, надо было просто сказать. Так и хочется сейчас идти назад и сказать все и при всех. Господи, помоги мне.

13 сентября. Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее. Опять вышел с тоской, раскаянием и счастьем в душе. Завтра пойду, как встану, и все скажу или застрелюсь.

14 сентября. 4-й час ночи. Я написал ей письмо, отдам завтра, то есть нынче 14. Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье, и такое, мне кажется невозможно. Боже мой, помоги мне.

Конечно, это выборка из дневника, здесь только то, что касается Сони. Но объективно – именно она становится главной темой записей этого времени. Именно она занимает все его мысли. При этом он продолжает навещать Тютчевых. Но очевидно, что он уже влюблен в Соню. Об этом, в частности, пишет автор прекрасной книги «Любовь в жизни Толстого» Владимир Жданов: «Прежде всего поражает темп, в котором развиваются события. Шесть лет тому назад, когда Лев Николаевич собирался жениться на Арсеньевой, он несколько месяцев потратил на изучение ее характера и предъявлял к ней самые высокие требования. Теперь же все произошло в несколько недель».

И, скажу вам откровенно, мне немного обидно за Толсто-

го! Он так долго выбирал себе невесту. Он так ответственно к этому подходил. И вдруг – простите! – какая-то дочь московского врача положила его на лопатки за три недели! И – как? Дав ему прочитать свою повесть. То есть победила его на его же поле.

К.Б./ А я смотрю на эти записи Льва Николаевича, и мне, в отличие от вас, радостно за него! Во-первых, он испытал такое чувство, которое не вмещалось в его привычно-отведенное для подобного чувства пространство. Во-вторых, он встретил женщину, которую не смог логически объяснить. В-третьих, все его мучения закончились взаимной любовью. Мне трепетно смотреть, как теплое ощущение себя рядом с женщиной побеждает страх и уверенность в невозможности любить. Такие моменты в жизни человека неповторимы.

П.Б./ Еще раз обратимся к дневнику Толстого. Как он описывает свое сватовство.

16 сентября. Сказал. Она – да. Она как птица подстреленная. Нечего писать. Это все не забудется и не напишется.

17 сентября. Жених, подарки, шампанское. Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть. Целует.

18 сентября. Утром работал, потом у ней... Растрепанная. Обед без Лизы. Объяснение с Андреем Евстафьевичем. Поливанов. Она не просто целует, тяжело.

19 сентября. Я спокойнее. Утро проспал... Шлянье

без цели, 5½ у них. Она тревожилась. Лиза лучше, вечер, она говорит, что любит.

20, 21, 22, 23, 24 сентября. [Москва – Ясная Поляна.] Непонятно, как прошла неделя. Я ничего не помню; только поцелуй у фортепьяно и появление сатаны, потом ревность к прошедшему, сомнения в ее любви и мысль, что она себя обманывает.

Интересно – правда? Записи в дневнике Толстого расходятся с воспоминаниями Софьи Андреевны. У нее – он делает ей предложение руки и сердца, передав ей в руки письмо, написанное заранее. У него гораздо проще: «Сказал. Она – да». В реальности было написано два варианта письма. Оба они опубликованы в 83-м томе Полного собрания сочинений, писем и дневников. Первое, не отданное, было написано 9 сентября, второе – отданное – 14 сентября. Вот как это описывает Софья Андреевна:

В столовой пили чай и кормили голодных кадет. Лев Николаевич был весь день у нас, и теперь, выбрав свободную от посторонних глаз минутку, вызвал меня в комнату моей матери, где в то время никого не было.

– Я хотел с вами поговорить, – начал он, – но не мог. Вот письмо, которое я уже несколько дней ношу в кармане. Прочтите его. Я буду здесь ждать вашего ответа.

Я схватила письмо и стремительно бросилась бежать вниз, в нашу девичью комнату, где мы жили, все три сестры...

Письмо я хорошенько и не прочла сразу, а пробежала глазами до слов: «хотите ли вы быть моей женой», и уже хотела вернуться наверх к Льву Николаевичу с утвердительным ответом, как встретила в дверях сестру Лизу. Она набросилась на меня с вопросом:

– Ну, что?

– *Le compte m'a fait la proposition*³, – отвечала я быстро и невесело.

Раздался страшный, раздирающий душу крик. Лиза бросилась на свою постель и начала рыдать. С ней сделалась истерика...

В это время пришла моя мать и сразу поняла, в чем дело. Она напала на мою сестру, бранила ее за глупые истерики и, взяв меня решительно за плечи, толкнула в дверь и сказала:

– Иди к нему и скажи свой ответ.

Расстроенная всей этой сценой, я вбежала в комнату матери наверху и быстро подошла к Льву Николаевичу. Он стоял, опять прислонившись к печи, в углу комнаты, и, когда я подошла к нему, он схватил мои обе руки и спросил меня: «Ну что?» – «Разумеется, да», – ответила я.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Каких «голодных кадет» кормили в этот день в доме Берсов? Брата Сони Александра и его друга Поливанова. И получается, что Толстой выбрал момент для предложения в тот день, когда в доме был Поливанов. В своих воспоминаниях

³ Граф сделал мне предложение (фр.).

Софья Андреевна пишет, что второй после истерики Лизы была истерика Поливанова, и тоже в девичьей комнате. Поливанов неоднократно упоминается в дневнике Толстого, и хотя он пишет, что не испытывает ревности к нему, но это, очевидно, не так. Потом этот Поливанов будет еще и держать венец над головой Сони во время венчания, и Софья Андреевна напишет в мемуарах: «Поливанов испил чашу до дна».

Все это напоминает «любовный роман», но если так и было на самом деле, то это очень жестоко и с его, и с ее стороны. Не только в отношении Лизы, но и в отношении этого мальчика.

Вы согласны?

К.Б./ Да, согласна. Но как иначе? Вы видите какой-то другой выход, который бы расставил все по местам? Кто-то все равно страдает, если в делах любви замешаны более двоих. Но что «испил чашу до дна» – это всегда лучше, чем «недопить» ее и мучиться этим незавершенным психологически действием всю жизнь. Недаром в народном свадебном обряде перед венцом специально приглашают плакальщиц. Чтобы прошлое было «выплакано» до конца и все родные, которые расстанутся друг с другом, смогли бы погоревать от души, а потом начать новую жизнь без слез.

Сатана

П.Б./ А теперь главный вопрос, на который у меня нет от-

вета. Что за «сатана» появился в комнате, когда Соня и Лев Николаевич впервые целовались возле фортепьяно? Поразительно, но Толстой пишет об этом в дневнике так просто, как если бы он писал: «В этот момент в комнату вошла Танечка».

А может, Танечка и вошла? Она же его «соблазняла», как следует из его дневника. Но это, конечно, слишком вольное и скорее всего неверное предположение. Но вот что безусловно. У Достоевского сатана – это всегда мужчина. Будь это черт, который искушает Ивана Карамазова, или Антихрист в «Легенде о Великом Инквизиторе». Это всегда лицо мужского пола. У Толстого дьявол – это женщина. В повести «Дьявол» это – Степанида, прототипом которой была Аксинья Базыкина. Но при этом у нее как бы «андрогинное» имя: Степанида. Интересно, что прототипом казачки Марьяны в повести «Казачи» была женщина с именем Соломонида. Марьяна-Соломонида искушает князя Оленина (прототип – сам Толстой), Степанида-Аксинья искушает молодого помещика Иртенева (тоже Толстой). Фамилия Оленин, на мой взгляд, «говорящая». Свое влечение к Аксинье Толстой в дневнике называл «чувством оленя». Знаете, что бывает с оленями, когда у них начинается «гон», брачный период? У них глаза наливаются кровью, они бьются друг с другом за самку и т. д.

Только так, косвенным образом, я могу объяснить странное появление «сатаны». И это страшно, потому что это самое начало их семейной жизни.

К.Б./ А мне было бы страшно глубоко входить в этот во-

прос. Но вполне может статься, что ничего мистического в этом нет. Например, просто появился, то есть вошел в комнату, кто-то, кого он мог в сердцах так назвать. Слишком буднично, в перечислении (почти «через запятую») упоминается этот «сатана». Или, может быть, это связано с тем, что Толстой воплощал искушение, которое источает женщина, в образе «дьявола». Тогда это может быть и так: поцелуй у фортепьяно, а потом дикая похоть. Поцелуй вызывает сексуальное желание. И вот – появился «сатана».

П.Б./ Катя, мы так серьезно с вами обо всем этом рассуждаем... Можно я расскажу вам одну смешную историю из своей молодости. Когда я учился в Литературном институте, историю русской литературы XIX века у нас читал замечательный пушкинист Михаил Павлович Еремин. И вот однажды он рассказывал о том, как по-разному пушкинисты относятся к Наталье Гончаровой. Многие ее осуждают: не так себя вела, не понимала, с каким гением она живет. И Михаил Павлович пошутил: «Бедный Пушкин! Зачем он женился на Гончаровой? Ему нужно было жениться на пушкинисте».

Вот и мы с вами... Бедный Лев Николаевич! Были бы мы рядом с ним, мы бы всё ему объяснили: как ему относиться к поведению Сонечки, как им строить их дальнейшую жизнь.

Но что делать, если история их семейной жизни так интересует современных людей, особенно женщин? Значит, в этой семейной истории есть что-то важное для нас, современных людей?

К.Б./ В каждой семейной истории, мне кажется, есть что-то важное для нас.

Ранний дневник

П.Б./ Продолжаем разговор. И снова – дневник Толстого.

*В день свадьбы страх, недоверие и желание бегства.
Торжество обряда. Она заплаканная.*

Накануне свадьбы Соня тоже пребывает в состоянии такого «сна», и это понятно: она сделала серьезный и смелый для 18-летней девушки выбор.

Возили меня по магазинам, и я равнодушно примеряла белье, платья, уборы на голову. Приходил Лев Николаевич, и его волнение, поцелуи, объятия и прикосновения нечистого, пожившего мужчины страшно смущали меня и заражали дурным чувством. Я была вся как раздавленная; я чувствовала себя больной, ненормальной. Ничего не могла есть кроме соленых огурцов и черного хлеба...

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

И Толстой не в лучшей форме. Утром, в день свадьбы, заявился к Берсам, прошел в комнату невесты, хотя это было серьезным нарушением традиций. Сказал ей, что не спал всю ночь, допытывался, любит ли она его на самом деле и не лучше ли им сейчас разойтись. Потом оказалось, что у него нет новой рубашки для венчания. Рубашка нашлась, и

венчание состоялось. Толстой ведет себя опять как Подкоlessин, – словно ищет путей бегства.

Но главное – накануне женитьбы он дал Сонечке прочитать свой дневник. А там – вся правда о его прежних женщинах, и об Аксинье в частности.

На нее это произвело ошеломляющее впечатление!

Помню я, как меня потрясло чтение дневника Льва Николаевича, который он мне дал из излишней добросовестности прочесть до свадьбы. И напрасно. Там он описывал и свою связь с Аксиньей, бабой Ясной Поляны. Я пришла в ужас, что должна жить там, где эта баба. Я плакала ужасно, и та грязь мужской холостой жизни, которую я познала впервые, произвела на меня такое впечатление, что я никогда в жизни его не забыла.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Да, я тоже считаю это ошибкой Толстого. Но, заметьте, даже Софья Андреевна, когда писала эти мемуары много лет спустя, понимала, что он сделал это «из излишней добросовестности». То есть из-за повышенной совестливости.

Могла бы это оценить!

С другой стороны, ну что здесь такого? Барин вступил в связь с крестьянкой в своем имении. Это было сплошь и рядом. У отца Льва Николаевича тоже был внебрачный сын от горничной, и все братья Толстые об этом знали, и он был у них кучером. А вспомните роман Пушкина «Дубровский».

У помещика Троекурова все крестьянские дети в его усадьбе были на него похожи. Пушкин, конечно, смеется, утрирует, но такая была традиция – что с этим делать?

Почему такой шок? И почему на всю жизнь?

К.Б./ Возвращаясь к вашей мысли, что были бы мы с вами рядом с Львом Николаевичем, мы бы ему всё разъяснили... И про стресс, возникший от ситуации со сватовством и принятым в итоге решением, и про дневник, который даже из добрых побуждений не стоило давать юной невесте перед свадьбой.

Как была бы хороша жизнь, если бы мы всё знали заранее и обходили бы канавы и выбоины стороной. Толстой, действительно, подложил настоящую «бомбу» в самое основание их семейной жизни своими дневниками и видимыми сомнениями. Вот вы говорите: «Ну что здесь такого?» Что такого в том, что у Толстого до свадьбы был «классический» опыт отношений с женщинами, как был у большинства дворян XIX века? Можно сказать, что это все – обычное дело. Только это «обычное дело» не имело никакого отношения к тому, что росло внутри Сонечки. Что она себе воображала, чего она хотела в этой жизни. Девочек же в это время воспитывают в нравственной чистоте. И тут она спотыкается о реальность, грубую и отвратительную. Вообще такое положение вещей – несправедливо, и знать об этой несправедливости не значит принимать ее и потворствовать ей.

Конечно, когда она согласилась выйти замуж за Льва Ни-

колаевича, она понимала, что он человек с прошлым, но он, дав ей дневники, дал ей *видимое* прошлое. Соню не могло не задеть и то, что он писал про Аксинью как про *жену* и что «влюблен как никогда в жизни». В восемнадцать лет девушки впечатлительны. И Соня не только придает большое значение этим признаниям, но она их воспринимает как имеющие силу в настоящем. То есть описание того, что было несколько лет назад, она видит так, будто это происходит у нее перед глазами. Такие картины не забываются!

Дормез

П.Б./ Ох, мне кажется они стоили друг друга! Он, с его гипертрофированной совестливостью, и она, с ее гипертрофированным представлением о «чистоте». Ему бы попроще невесту, а ей бы попроще жениха. Но тогда о их совместной жизни не было бы написано столько статей и книг. Да и гениальных сцен в «Анне Карениной» о любви Лёвина и Кити не было бы. Мне вообще иногда закрадывается в голову опасная мысль. Не было ли это такой художественной игрой? Ведь и в нем, и в ней была бездна артистизма!

Но вернемся к прозе жизни. После венчания «молодые» тем же вечером отправились в Ясную Поляну, для чего Толстой купил специальную карету, «дормез», в которой можно было ночевать, принимая горизонтальное положение. В карете произошла первая брачная ночь. Говорить об этом

вроде бы неделикатно. Но... Толстой написал об этом в своем дневнике, а Софья Андреевна в своих мемуарах, которые создавались спустя более сорока лет. Толстой эту запись в дневнике сохранил, хотя понимал, что дневники его будут опубликованы. Софья Андреевна тоже сделала этот сюжет, как сказали бы сегодня, «достоянием гласности». Таким образом оба вынесли это на всеобщее обсуждение.

Итак...

ОНА:

После Бирюлева, да еще и на станции, началось то мучение, через которое проходит всякая молодая жена. Не говорю про ужасные физические боли, один стыд чего стоил! Как было мучительно, невыносимо страдать! Какое вдруг проснулось новое, безумное, хотя безотчетное чувство страсти, спавшей в молодой, не сложившейся еще девочке. Хорошо, что было темно в карете, хорошо, что мы не видали лиц друг друга. Я только близко, близко чувствовала его дыхание, порывистое, частое, страстное. Все его сильное, могучее существо захватывало меня всю – покорную, любящую, но подавленную мучительными болями и невыносимым стыдом.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

ОН:

В карете. Она все знает и просто. В Бирюлеве. Ее напуганность. Болезненное что-то. Ясная Поляна. Сережа разнежен, тетенька уже готовит страдания.

Ночь, тяжелый сон. Не она.

(Л. Н. Толстой. Дневники)

Послушайте, Катя! Дочь врача. «Все знает и просто». Почему же она делает из этого какую-то «страшилку»? И это пишет не восемнадцатилетняя Соня, а Софья Андреевна в 1904 году. Наверное, я в этом что-то не понимаю?

К.Б./ Откуда вам понять психологическое состояние девушки в первую брачную ночь? Большая доля того ощущения, из которого складывается «страшная история» – это чистая психология. И где-то одна пятая – это физиологические болевые ощущения. От этого вы никуда не уйдете. Я рискну предположить, что с кадетом Поливановым, случись им стать мужем и женой, психологических страданий было бы у Софьи Андреевны меньше. Здесь – комплекс различных обстоятельств.

Во-первых, Соня, как мы это уже видели по ее воспоминаниям и картинам ее дозамужней жизни, не получила практически никакого сексуального образования. Вряд ли папá рассказывал девочкам, откуда берутся дети, или показывал медицинские картинки. И, уж конечно, девочки не помогали акушерке при маминых родах. Тот факт, что Соня была дочерью врача, не дает нам права утверждать, что она знала подробности половых отношений между мужчиной и женщиной (механическую сторону). Тем не менее я не вижу большой загадки в том, что «она все знает». Оставьте юношу и девушку на необитаемом острове, и они очень быстро сооб-

разят, что к чему. Помните, как в фильме «Голубая лагуна»?

Во-вторых, и это важный момент, в Соне не было страстности. Она была не развита в этом. Чувственность начала пробуждаться в ней вот в эти первые ночи, но в такой дьявольской смеси со стыдом, неловкостью, что скорее пугала, чем привлекала ее.

В-третьих, граф был кумиром ее детства. Она смотрела на него до свадьбы снизу вверх. Как раз близость первой ночи позволила ей начать перестройку этого взгляда, хотя бы в физическом отношении. Но это ведь непросто: любая перестройка внутри человека происходит с болевым эффектом.

Ну и наконец – Лев Николаевич был в физическом смысле рослым, крепким мужчиной, а она – «неразвитой» (это ее личное определение) девушкой, только-только вылупившейся из детства. Физически маленькой, хрупкой. Близость мужчины, с сильными руками, мощным телом, запахом табака, резкими страстными движениями – этого ли ждала ее нежная романтическая натура? Да, реальность оказалась грубее фантазии.

Не она?

П.Б./ Подведем итоги. Последняя фраза в дневнике Толстого, где он пишет о своей женитьбе: «Не она». И опять, как в случае появления сатаны, у меня нет объяснения этих слов. Что значит «не она»? Что она не та женщина, о которой он

мечтал, которую искал, отказываясь от прежних «невест», в том числе и от Лизы Берс? Эта фраза написана уже в Ясной Поляне, куда он привез молодую жену. «Не она». То есть ошибся? Совершил глупость?

К.Б./ Не могу ответить на этот вопрос. Вы лучше меня знаете Толстого. Всё ему чего-то хотелось другого. Вроде бы женился по любви, молоденькую привез в свое имение, такую чистую, любящую, заботливую, уступчивую, услужливую, хозяйственную. И все равно «не она»! Не угодишь ему никак! Одно ясно. Трудно придется Софье Андреевне в семейной жизни.

П.Б./ Это да! Но и ему тоже.

Глава третья

Графинюшка

В омут с головой

П.Б./ Ну вот мы и подошли к началу семейной жизни нашей героини. Сонечка Берс стала графиней Софьей Андреевной Толстой. Женой великого писателя. Как модно выражаться сегодня, «первой леди» русской литературы.

Начало 60-х годов. Привыкание к яснополянскому быту, к непривычной роли жены и хозяйки, рождение первых детей, совместная с Львом Николаевичем работа над «Войной и миром» и многое другое.

Но сначала задам вам вопрос, на который у меня есть свой ответ, но хочу сначала выслушать вас.

Еще до венчания Толстой предложил будущей жене три варианта их ближайшей совместной жизни.

Первый вариант – остаться жить в Москве, рядом с родителями, сестрами и братьями Сони, чтобы она не прерывала так резко общение с ними. Второй – поехать за границу. Третий – отправиться в Ясную Поляну. И Соня, не раздумывая, выбирает третий вариант. Но почему? Я могу понять ее нежелание оставаться в Москве. Во-первых, обиженные

Лиза и Поливанов, которые будут ей постоянным наглядным укором. Во-вторых, она, с ее решительным характером, желает, что называется, головой в омут. Сразу – в новую жизнь с мужем.

Когда мы с Львом Николаевичем говорили о будущем, он предлагал мне избрать, что я хочу, то есть где хочу быть после свадьбы: остаться пожить в Москве с родными, или ехать за границу, или прямо на жизнь в Ясную Поляну. И я избрала последнее, чтоб сразу начать серьезную семейную жизнь.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Но я не могу понять, почему она не хочет поехать за границу. Это же прекрасно – провести медовый месяц в Париже, в Риме, на Женевском озере! Соня ни разу не была за пределами России. Да она и в России-то нигде не была дальше Покровского и Троице-Сергиева. А тут такая возможность... И ведь в результате Софья Андреевна за всю свою жизнь так и не побывала за границей.

К.Б./ Да, знала бы Софья Андреевна, что никогда не побывает за границей, может, и не рвалась бы сразу в Ясную Поляну... Но, мне кажется, она долго не раздумывала над этим вопросом. Ее деятельной натуре хотелось поскорее пуститься в новую «серьезную семейную жизнь», во всю деятельность Льва Николаевича, начать «обустраивать гнездо». Ей это было интереснее. Она любила домашний быт и все, что с ним связано.

Но, возможно, сыграло и то, что она не бывала нигде, как вы сами заметили. И вот она только-только вступает в новый статус, с мужчиной, который много опытней ее во всех областях. Интересы особого к загранице она не питала (она не фантазировала о других странах, вспомните, она писала повесть о семейной жизни в Москве, с ее бытом и привычками). Я думаю, она испугалась сразу ехать за границу. Поехать в Ясную Поляну, где она уже бывала, к людям, которых уже знала, и понимая, что будет с Лёвочкой тет-а-тет без непривычных обстоятельств путешествия – более комфортный вариант для молодой Сонечки.

П.Б./ Да, но еще ей очень хотелось угодить мужу. Она понимала, что и здесь он ее «тестирует». Он не слишком рвется за границу, он там уже дважды бывал. Он рвется в Ясную Поляну. Ему не терпится как можно быстрее реализовать свой семейный «проект», о котором он мечтал с пятнадцатилетнего возраста. И Соня это чутко поняла и отказалась от заграничного путешествия... На мой взгляд, зря.

Итак, 24 сентября 1862 года Соня и Лев Николаевич прибыли в своей яснополянский «рай». Вот как вспоминает об этом Соня:

На другой день к вечеру мы приехали домой, в Ясную Поляну, и я была очень рада этому. Первое мое впечатление было, когда я вошла в дом, – тетенька Татьяна Александровна Ёргольская с образом Знаменья Божией Матери и рядом брат Сергей

Николаевич с хлебом-солью на верху лестницы.

Я поклонилась им в ноги, перекрестилась, поцеловала образ и тетеньку и вошла в ее комнату...

Кажется, потом мы обедали, и потом я пошла в свою комнату разбирать свои вещи с старой горничной Варварой. В первый раз у меня была своя комната...

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Оцените этот момент! Впервые в жизни у нее *своя* комната. Семья Берс жила очень тесно. Квартира небольшая, семья многодетная, до 1855 года кроме отца и матери Сони в квартире проживала еще и мать Андрея Евстафьевича Елизавета Ивановна Берс (в девичестве Вульферт). Словом, было тесно. Три сестры ютились в одной комнате и в Москве, и на даче в Покровском.

И вот у нее *своя комната*, устроенная стараниями брата Толстого Сергея Николаевича. *Свой кабинет*, с письменным столом, стульями и кушеткой. Все это было приготовлено с любовью и вкусом, что даже удивительно, ведь раньше братья Толстые, когда съезжались в Ясной Поляне, спали в доме... на сене. Лев Николаевич, как вспоминает Софья Андреевна, до ее приезда спал «на грязной сафьяновой подушке, без наволочки», под ватным одеялом без пододеяльника. То есть это был такой «спартанский» образ жизни.

Соню встречают по-старинному, с образом и хлебом-солью. Она тоже не ударяет в грязь лицом: ведет себя «ритуально», кланяется в ноги родне мужа, целует образ. Это очень

важный момент! Гораздо более важный для Сони, чем для ее мужа. Сам Толстой описывает эту сцену в дневнике с иронией: «Сережа разнежен, тетенька уже готовит страдания (имеется в виду икона. – П. Б.)».

Толстой возвращается в свой родовой дом. Конечно, его жизнь сильно меняется после женитьбы, но не до такой степени, как для Сони. Она должна стать не только женой Толстого, но и *графиней Толстой*. А это была сложная семья, со своими традициями, непростыми отношениями между родственниками. Но главное – все члены семьи обладали такими непохожими характерами! Бытовало даже выражение: «дикость толстовской породы». «Дикость» не в смысле варварства, а в смысле неуправляемости, сильно развитой гордости и чувства независимости. Если вы посмотрите на совместную фотографию четырех братьев Толстых 1854 года, вы удивитесь тому, что перед вами четыре абсолютно не похожих друг на друга человека. Как будто дети разных родителей. Но одновременно – это очень дружная семья, с нежными, трогательными отношениями братьев между собой, между братьями и сестрой и так далее.

И это – *порода*! Это очень важно.

Соне Берс для того, чтобы стать Софьей Андреевной Толстой, но при этом не потерять свою личность, не раствориться в Толстых, нужно было делать колоссальные усилия, чем она и занималась всю жизнь, особенно в первые годы супружества.

Согласны? Или вхождение молодой невестки в чужую семью – типический случай?

Легко ли стать Толстой?

К.Б./ Нет, здесь, конечно, не типический случай. В этой картинке вхождения Сони в семью Толстых – целый букет нюансов.

Что такое быть радушно принятой семьей мужа? Это бальзам, конечно. Вот Сонечка только что пережила тяжелый разрыв с собственной семьей, уехала в смешанных чувствах из-за Лизы и недовольства отца ее поступком. Нервы на пределе. Вот она стала женой в физиологическом смысле, и не в теплой постели, а в дормезе. Вот она, усталая от дороги, пребывает в тревоге: настолько ли она уже хорошая жена и не обидела ли она чем-то мужа. И вот ее встречают с иконой, хлебом-солью, отводят ей комнату, в которой уже любовно приготовлено всё. Кстати, что такое иметь собственную комнату, я, например, до сих пор не знаю. Думаю, это момент обретения личного пространства. То есть: ты теперь Толстая, но твоя комната – это пространство Сони Берс. И не как у матери в Москве – комната служит и малой гостиной, а спальное место отгораживается ширмой. Такое внимание и уважение дорогого стоят.

Теперь о другом. О превращении из Берс в Толстую и об обретении статуса графини. Вот эти два момента мне лично

гораздо тяжелее постичь.

В современном мире девушки делятся на две категории: те, кто берет фамилию мужа при замужестве, и те, кто оставляет себе девичью фамилию. То есть у современной девушки в аналогичной ситуации был бы выбор – оставаться Берс с гордо поднятой головой и слышать: «Это же Берс, жена Толстого», – и всегда иметь неразрывную внутреннюю связь с той девочкой, которая была рождена Берс. Или же стать Толстой и идти с еще более гордо поднятой головой, но уже совершенно другой женщиной. А была ли Соня Берс вообще? А кто такая Софья Толстая? Толстая ли она по духу, по характеру, и вообще – что она из себя представляет?

Вот такое море сложных, иногда болезненных вопросов встает перед девушкой, которая берет фамилию мужа. Это еще мы с вами рассмотрели вариант, когда будущей жене хочется «одеться» в его фамилию. Она для нее предмет гордости, и ей нравится, как она звучит рядом с ее именем.

Но как должна вести себя графиня Толстая? И что такое графиня? Дочь врача вдруг становится графиней. Это еще одно перевоплощение. И графиней где? В деревне. Странная, специфическая ситуация. Нет, Павел, тут все было нетипично. С самого начала Софье Андреевне пришлось перестраивать все свои ожидания и представления о новой жизни в замужестве.

Тетушка

П.Б./ О первых днях замужней жизни она пишет в мемуарах, которые создавались сорок лет спустя. Понятно, что она многое могла забыть. Но смотрите, как она запомнила расположение и размеры всех комнат в доме, а ведь этот дом впоследствии перестраивался два раза.

Из моей спальни единственная оставленная дверь вела на маленькую площадку круглой винтовой лестницы, и с нее же была дверь в соседнюю комнату, перегородженную двумя книжными шкапами. За шкапами было устроено помещение для моей горничной, а впереди стоял письменный стол, стулья и зеленая кожаная кушетка; это был мой кабинет. Кабинет же Льва Николаевича помещался внизу, под сводами, где мы ночевали, когда в первый раз были в Ясной Поляне. Там же был чуланчик для Алексея Степановича (А. С. Орехов – камердинер Толстого, бывший с ним на Кавказе и в Севастополе. – П. Б.), передняя и небольшая, вся каменная комнатка для вещей, где и поныне стоят сундуки. Наверху же были еще: столовая, гостиная, комната тетеньки и чуланчик около – для Дуняши (горничной. – П. Б.). Все комнаты почти квадратные, 6–7 аршин, и высокие, 5 с половиною аршин, что делает их просторными

светлыми и очень приятными для жизни.

(С. А. Толстая. «Моя жизнь»)

Не могу удержаться от восхищения: вот же «немка»! Натура трепетная, сентиментальная, но внутреннее устройство и обстановку дома видит сразу, а главное – вспоминает спустя сорок лет. Да, Лев Николаевич привез в свой дом настоящую хозяйку! Думаю, если бы он привез туда Лизу, она бы обратила первое внимание на содержимое книжных «шкапов».

И это не все. В ноги тетушке Ёргольской она, конечно, поклонилась, но на следующий день все ведение домашнего хозяйства у нее забрала в свои руки. «Мне легко было взять на себя эту деятельность», – пишет она. Тетушке оставалось только гулять с зонтиком по дорожкам усадьбы. До приезда Сони она была главной женщиной в доме. Бездетная старая дева, она любила Лёвочку как родного сына. Но, судя по воспоминаниям Софьи Андреевны, ей удалось легко наладить отношения с тетушкой.

Между тем у Татьяны Александровны была своя «романная» история. Именно в нее был когда-то влюблен отец Толстого Николай Ильич. Дальняя родственница, сирота, приживалка в доме Толстых, она была, по-видимому, очень красива, «черноглазая Антуанетт». Но женился Николай Ильич не на ней, а на Марии Николаевне Волконской, и не по любви, а по расчету. Отец Николая Ильича, дед Льва Толстого по отцовской линии, Илья Андреевич Толстой был казан-

ским губернатором и страшным мотом. Его семья жила не по средствам. Достаточно сказать, что стирать белье они отправляли в Голландию. В результате семья Толстых разорилась, их родовое имение Никольское-Вяземское было заложено, и Николай Ильич, который после смерти отца в 1820 году не стал отказываться от его долгов, был вынужден жениться на богатой Марии Николаевне Волконской, девушке в возрасте тридцати лет и некрасивой. Тем не менее брак был счастливым, но не долгим. В 1830 году Мария Николаевна скончалась после рождения дочери.

Татьяна Александровна некоторое время жила в имении Покровское Чернского уезда Тульской губернии. Но когда Лев получил в наследство Ясную Поляну, он выписал тетюшку к себе, и она была очень этим счастлива. В доме своего племянника она жила до самой смерти в 1874 году. Лев Николаевич ее нежно любил.

Так что Соне с первых шагов в Ясной Поляне пришлось погрузиться в сложную, но и очень интересную историю отношений внутри семьи Толстых. И она блестяще справилась с этим. Это безусловно был талант, привитый Соне в большой и дружной семье Берсов, но и выделявший ее среди двух ее сестер. С одной стороны, прекрасная хозяйка, с другой – смогла сразу наладить отношения с семьей мужа, не устраивать конфликты, не вестись на конфликты. Может, я что-то упустил, но в любом случае это не было болезненной «темой» в их супружеской жизни. В отличие от отношений с

самим супругом.

Об этом давайте и поговорим.

Первые страдания

П.Б./ Свой Дневник она начинает вести в октябре 1862 года, и там уже есть то, что затем станет его лейтмотивом — *страдания.*

8 октября. Опять дневник, скучно, что повторение прежних привычек, которые я все оставила с тех пор, как вышла замуж. Бывало, я писала, когда тяжело, и теперь, верно, оттого же.

Эти две недели я с ним, мужем, мне так казалось, была в простых отношениях, по крайней мере мне легко было, он был мой дневник, мне нечего было скрывать от него.

А со вчерашнего дня, с тех пор, как сказал, что не верит любви моей, мне стало серьезно страшно. Но я знаю, отчего он не верит. Мне кажется, я не сумею ни рассказать, ни написать, что я думаю. Всегда, с давних пор, я мечтала о человеке, которого буду любить, как о совершенно целом, новом, чистом человеке. Я воображала себе, и это были детские мечты, с которыми до сих пор трудно расстаться, что этот человек будет всегда у меня на глазах, что я буду знать малейшую его мысль, чувство, что он будет во всю жизнь любить меня одну...

Теперь, когда я вышла замуж, я должна была все свои прежние мечты признать глупыми, отречься от них, а я не могу. Все его (мужа) прошедшее так ужасно для меня, что я, кажется, никогда не помирюсь с ним. Разве когда будут другие цели в жизни, дети, которых я так желаю, чтоб у меня было целое будущее, чтоб я в детях своих могла видеть эту чистоту без прошедшего, без гадостей, без всего, что теперь так горько видеть в муже. Он не понимает, что его прошедшее – целая жизнь с тысячами разных чувств, хороших и дурных, которые мне уж принадлежать не могут, точно так же, как не будет мне принадлежать его молодость, потраченная бог знает на кого и на что. И не понимает он еще того, что я ему отдаю все, что во мне ничего не потрачено, что ему не принадлежало только детство...

(С. А. Толстая. Дневник)

Что происходит? Опять его ранний дневник, который он опрометчиво дал ей прочитать перед свадьбой? Да, это было его ошибкой. Но ведь это тупик, в который она сама себя загоняет! Его молодость никогда не будет ей принадлежать! Она что, этого не понимала, когда выходила замуж за 34-летнего мужчину? И даже если бы в его молодости не было других женщин, было бы что-то другое, что ей уже никогда не будет принадлежать. Странная логика! Я отдала тебе себя всю, а ты мне себя *всего* не отдал. Ты не отдал мне свою молодость. Но Толстой же не волшебник!

Знаете, как это называется? Деспотическая любовь. Отдай мне себя всего, до капли, до последней клеточки, до последней извилины твоего головного мозга! Отдай мне свою молодость! Отдай мне *всего себя*, как я *всю себя* тебе отдала! А если это невозможно, я буду страдать, страдать, страдать!

Все начало Дневника – это выражение страдания, причем страдания от невероятной любви, но, простите, какой-то ненормальной любви. «Я бы его задушила от любви!» «Если б я могла его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то бы сделала с удовольствием!» Это я и называю *деспотической любовью*. И она – невыносима для мужчин такого психотипа, как Толстой. Толстой никогда никому не позволял до конца вмешиваться в его внутренний мир. Толстой не выносил вмешательства в свой мозг. Когда в середине 60-х годов он упал с лошади и сильно вывихнул правую руку, в Москве ему делали операцию под наркозом. На него не подействовали ни первая, ни вторая дозы эфира. Когда ему дали третью, он «отключился» так, что врачи испугались, не умер ли он.

При всем моем уважении и восхищении перед Софьей Андреевной как женой, матерью, хозяйкой, помощницей я понимаю, что не только он своим ранним дневником заложил мину в их семейную жизнь. Она тоже изрядно постаралась. Мне иногда кажется, что Софья Андреевна парадоксальным образом соединяла в себе двух противоположных героинь русской литературы: «душечку» Чехова и Настасью

Филипповну Достоевского. Если помните, героиня рассказа Чехова «Душечка» была способна полностью подчиняться мужчине, принимая его интересы как свои. Настасья Филипповна в «Идиоте», напротив, категорически не способна подчиняться, и от этого страдает сама и заставляет страдать мужчин.

Нет?

К.Б./ Ух как вас задели слова Софьи Андреевны! Как вы яростно стали защищать мужскую свободу и право на личное пространство! Какая в вас проснулась мужская солидарность! Начали с того, какую потрясающую хозяйку привез Лев Николаевич, а кончили «деспотической любовью» и сравнением Сони с роковой женщиной.

Я думаю, в какой-то мере вы правы, но вы поддаетесь на уловки самой Софьи Андреевны и преувеличиваете некоторые черты ее характера. Вы сейчас создаете скорее карикатуру, чем живой образ. Давайте, как говорится, «сбросим маски».

Интереснейшая вещь – женский дневник. В нем женщина может быть и актрисой, и художником, и поэтом, и хозяйкой, и роковой женщиной, и жертвой... Вы заметили, как она выражается в самом начале: «пишу от того, что страдаю», «старая привычка». Это – специфика любого классического женского дневника – он чаще всего пишется от страдания. Женщина, если счастлива, – скорее поет или играет, чем пишет дневник.

Но отчего женщина может страдать? 1) скучно, нет дела, все неинтересно; 2) хочется любви, признаний, романтики; 3) устала от рутинной работы; 4) никто не похвалил за день, чувствую себя ничтожеством; 5) дождь за окном, грустно; 6) мечтала, как оно будет, а не исполнилось; 7) ревность ко всему: друзьям, другим женщинам, работе; 8) не с кем поговорить о девичьем; 9) внутренняя потребность пострадать из-за чего угодно; 10) не сделала за день ничего существенного.

И это, поверьте, далеко не полный список. Такие женщины создания: если не видят, как мир преобразается от их присутствия в нем, они страдают. Если видят, что они оставили красивый след в этом дне – они счастливы.

Конечно, у Софьи Андреевны в характере была, наряду с нежностью и покорностью, врожденная властность. Такой дикий коктейль! Ее то в одну сторону заносило, то в другую, и, не умея найти баланс, она мучила этим и себя, и мужа. Но она не предполагала, что это будет вызывать бури в нем самом. У нее было одно, по сути, желание, как сейчас модно это называть, – чтобы «взяли на ручки». То есть успокоили, посмотрели бы на вещи ее глазами и приняли бы хоть на один час, хоть только на словах – ее заботы на себя. Она использовала все доступные ей методы. В том числе ту якобы несправедливость, что она отдает ему всю жизнь, кроме детства, а у него была длинная жизнь без нее. И главное – молодость без нее. Обидно...

Я бы отметила и другое в характере Софьи Андреевны –

иногда отсутствия чуткости. Она была женщиной, абсолютно настроенной на мужчину, вот каждую минутку готова была подстелить ему перинку, угадать его желание выпить кофе, следила за мельчайшим изменением в его здоровье. Она была стопроцентной евангелической Марфой. И как и Марфе, ей иногда не хватало чуткости понять, в какой момент надо поставить «на паузу» бытовое и посмотреть вглубь себя. В какой момент надо оставить мужа с самим собой, не приду-мывая его мысли о ней за него самого, и пойти заняться чем-то для своей души. Увлечись этим, и даже не заметить, как он вернулся и уже целует ей ручки, соскучившись.

Ревность

П.Б./ Говоря о первых месяцах жизни Сони в Ясной Поляне, мы не можем миновать одного эпизода, который потряс ее до глубины души. Это появление в доме Аксины Базыкиной. Бабы пришли мыть дощатые полы в барском доме, и вот Соня узнает, что одна из них – та самая Аксинья, в которую ее муж был влюблен и которая родила ему внебрачного сына.

У меня так и упало сердце. Я вспомнила прочитанный дневник Льва Николаевича, где он описывает свою последнюю связь с этой женщиной. Он, по-видимому, любил ее по-своему, то есть она была ему приятна как любовница, и это продолжалось

с перерывами более 2-х лет. Мысль, что я теперь наследница этой Аксины, что ей отдавались, как теперь мне, интимные ласки Льва Николаевича, меня вдруг поразила таким ужасом и отчаянием, что я много лет после не могла успокоиться. Я плакала тогда ужасно: эта красивая, черноволосая, черноглазая бойкая баба, с черными косичками на висках, с отодвинутым от лба красным платком, над наглым, вызывающим лицом, так резко запечатлелась в моем мозгу, что и поныне я помню ее. Кроме того, меня больно кольнула не деликатность моего мужа – допустить ее, полунагую, мыть у меня в доме полы. Это был первый надраз в моей любви к Льву Николаевичу. И впоследствии, в дни моей злобы, я возвращалась к этому эпизоду и никогда не простила и не забыла его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.